

Лилит Рокс

ОрдеФлейк:

Пробуждение роз

Ордефлейк

Лилит Рокс

Ордефлейк: Пробуждение роз

«Автор»

2026

Рокс Л.

Ордефлейк: Пробуждение роз / Л. Рокс — «Автор»,
2026 — (Ордефлейк)

Ордефлейк: Пробуждение роз — первая книга дилогии в жанре любовное фэнтези в антураже dark academy, где за каждой тайной скрывается боль. Елена Блес — человек в мире магии. Единственная в академии, где учатся эльфы и демоны. Та, кого преследуют тени. На её коже распускаются чёрные и белые розы — знак пророчества. Её охраняет Алекс — вампир, связанный клятвой крови. Когда он погибает, защищая её, Елена готова на запретный ритуал. Даже на сделку с тьмой внутри себя. Но демон, называющий себя её отцом, уже идёт по следу. А лучшая подруга возвращается с приказом: убить ту, кого любила. Это история о выборе, которого не ждёшь. О девушке, которая решила стать не ключом, а собой. Роман имеет законченную сюжетную арку.

© Рокс Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Незванный гость»	5
Глава 2. «Первый день»	8
Глава 3. «Учитель и ученик»	13
Глава 4. «Испытание»	26
Глава 5. «Исповедь тифлинга»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лилит Рокс

Ордефлейк: Пробуждение роз

Она думала, что придется выбирать между светом и тьмой. Но мир, как назло, состоял из оттенков. И каждый оттенок был цвета крови. Иногда, чтобы вернуть любимого, приходится заключить сделку с тьмой. Даже если эта тьма — ты сама. — Лилит Рокс

Глава 1. «Незванный гость»

Несколько лет назад в одном городе жила самая обыкновенная семья, без всяких сказочных дарований. Их небольшой дом вмещал пятерых человек.

Отец был сильным и строгим мужчиной. Мать - трудолюбивой и заботливой. А ещё в семье было трое детей. Дерек и Агей были братьями-близнецами. Хоть они и родились вместе, но были абсолютно разными. Дерек, немного выше брата, плотного телосложения, с чёрными волосами и карими глазами. Агей же, напротив, был худощав, с волнистыми белоснежными волосами и небесно-голубыми глазами. Была у них и младшая сестрёнка по имени Елена. Добрая и милостивая девочка. Её золотые кудри, пухлые щёчки, кожа белее снега и алые, будто бутон розы, губки, вызывали всеобщее умиление у всей семьи.

Братья, будучи значительно старше сестры, помогали отцу по хозяйству. А Елена поддерживала порядок в доме: мыла полы, подметала двор, помогала матери готовить и стирать. Девочка любила прогуливаться по цветочной поляне неподалёку от дома и собирать для матери букеты из полевых цветов.

В один солнечный день Елена решила собрать букет из васильков и ромашек, любимых цветов мамы. Она аккуратно складывала сорванные цветы в свою маленькую корзинку. Как только был положен последний василёк, внезапно подул резкий, порывистый ветер. Закапал морозящий дождь, а тучи полностью скрыли солнце. Девочка стала искать укрытие, чтобы спрятаться от дождя и сохранить букет. Неподалёку она увидела у беседки мальчика, который приветливо махал ей рукой, приглашая внутрь. Елена бросилась к беседке, где её уже ждал незнакомец.

Он был одет в зелёную курточку, а на голове у него красовалась красная шапочка, из-под которой выбивалась прядь седых волос. Его глаза светились добротой, а в руках он держал крошечный, но очень яркий фонарик, хорошо освещавший всё вокруг. Под сиденьем лежала аккуратно свёрнутая старая карта.

— Добрый день! — запыхавшись, поздоровалась девочка, сбивая с платья первые капли дождя.

— Здравствуй! — отозвался мальчик, делая шаг вглубь, чтобы освободить ей место. — Заходи скорее, тутсухо. И присаживайся, ты вся промокла.

Елена уселась на лавочку, поставив корзинку с цветами рядом. Она вздрогнула от нового порыва ветра, который ворвался в беседку, закрутив в воздухе несколько лепестков. Бейн инстинктивно прикрыл ладонью пламя своего фонарика, хотя оно и не дрогнуло.

— Меня зовут Елена, я...

— Человек. И так видно... — пробормотал мальчик, украдкой поглядывая на её округлые уши и затем на затянутое тучами небо.

— Да, я человек. А тебя как зовут? И кто ты?

— Я эльф, а зовут меня Бейн, — с гордостью представился он, слегка выпрямившись, и его острый слух уловил, как дождь сменил дробный стук на равномерный шум.

Разговор на минуту замолк, заполненный звуками ливня, барабанившего по деревянной крыше. Вода стекала с краёв, образуя мелкие, сверкающие в свете фонарика завесы. Елена, чтобы прервать неловкую паузу, протянула Бейну ромашку из своей корзинки.

— Хочешь? Они пахнут летом.

Эльф удивлённо моргнул, потом осторожно взял цветок. Он поднёс его к носу, и тонкая, почти неуловимая для человека улыбка тронула его губы.

— Спасибо. У нас в лесу такие не растут, — тихо сказал он.

— А что растёт у вас? — оживилась Елена, забыв о дожде.

Но прежде, чем Бейн успел ответить, сильный порыв ветра пронёсся сквозь беседку, сорвав с головы Елены лёгкий платок. Девочка вскрикнула и потянулась за ним, но платок, подхваченный воздушным потоком, вылетел наружу. И тогда Бейн, не говоря ни слова, сделал резкое, короткое движение рукой с фонариком. Струйка света, словно живая нить, метнулась вслед за тканью, мягко обвила её и вернула прямо в руки изумлённой Елене.

— Ой! — только и смогла вымолвить она, разглядывая теперь уже совершенно сухой платок. — Как ты это сделал?

Бейн снова стал серьёзным и лишь пожал плечами, делая вид, что смотрит на дождь.

— Так... Маленькая хитрость. Лучше не говори никому. Особенно взрослым.

Они с Еленой дождались, когда дождь ослабнет, превратившись в морозящую изморось, а ветер окончательно утихнет. Погода успокоилась лишь через полчаса. Бейн потушил фонарик, свет в нём погас, будто его и не было, и, выглянув из-под навеса, кивнул.

— Пора. Проводить тебя? Проводить тебя? — повторил Бейн, видя, что Елена задумалась.

— Да! — живо откликнулась она. — И... можешь зайти к нам? Мама сегодня пекла яблочный пирог. Она очень добрая. И папу с братьями я тебе покажу!

Тень сомнения скользнула по лицу эльфа. Он потянул за прядь волос, выбивавшуюся из-под шапки.

«Люди... Взрослые люди. Они могут...» — мелькнуло у него в голове.

Но глаза Елены светились таким искренним восторгом и доверием, что он не смог отказать.

— Ненадолго, — сухо согласился он. — Только пирог.

Они пошли по тропинке, ведущей к дому. Бейн заметно нервничал: его уши под шапкой подрагивали, улавливая каждый отдаленный звук, а взгляд беспокойно скользил по опушке леса. Когда между деревьями показался аккуратный домик с дымком из трубы, он на мгновение замер.

— Ты уверена? — тихо спросил он.

— Конечно! — Елена уверенно взяла его за руку и потянула за собой.

В доме пахло корицей, яблоками и теплом очага. Увидев дочь мокрой, но сияющей, а рядом с ней - незнакомого мальчика в странном наряде, мать широко улыбнулась.

— Леночка, наконец-то! Мы волновались. А это кто?

— Мама, папа, это Бейн! Он эльф! Он меня от дождя в беседке спрятал! — выпалила Елена, словно отчитываясь о самом великом открытии.

В комнате наступила тишина. Отец, чинивший у стола стул, медленно поднял голову. Старшие братья, Дерек и Агей, перестали возиться с сетями у двери. Все пятеро уставились на гостя.

«Прогонят, — с холодом в животе подумал Бейн. — Сейчас схватят вилы или крикнут стражу. Надо бежать».

Но отец, отложив инструмент, первым нарушил тишину.

— Эльф, говоришь? — произнес он низким голосом, вставая. Он был огромным, и его тень накрыла Бейна. — Давненько таких не видели в этих краях. Прогнал их всех наш король-батюшка.

— Папа! — в ужасе воскликнула Елена, но отец поднял руку.

— Спокойно. Дом, это гостевая территория. За порогом, законы короля. А за порогом он еще не переступил. — Он подошел ближе и внимательно, без злобы, посмотрел на мальчика. — Спасибо, что дочь от непогоды укрыл. Садись, гость будешь. Мать, доставай-ка пирог да молока теплого.

Общее напряжение спало. Мать засуетилась у печи. Братья, сгорая от любопытства, уселись поодаль, не сводя глаз с острых, как им казалось, кончиков ушей, видимых из-под шапки.

Ужин проходил в сдержанной, но не враждебной атмосфере. Отец задавал короткие, чёткие вопросы, глядя на тарелку: «Далеко живешь?», «Родители не ждут?». Бейн отвечал односложно: «В лесу», «Справимся». Он вел себя скованно, ел мало и аккуратно, будто боялся пролить крошку или сделать лишнее движение. Его поражало простое тепло этого дома: смех братьев, толкавших друг друга под столом, заботливые руки матери, подливавшей ему молока, огонь в очаге. Это был иной мир, не дикий и свободный, как лес, а уютный и прочный. В нём было страшно и... притягательно.

Именно это смутное чувство и было разрушено неловким жестом Елены. Когда она потянулась к его шапке, желая показать родителям его главную «эльфийскую» особенность, Бейн ощутил это как грубое вторжение, срыв маски, выставление себя напоказ.

Весь хрупкий мост понимания, построенный за вечер, рухнул в одно мгновение. Он вскопчил, отпрянув, как дикий зверь, попавший в силоч.

— Спасибо за ужин, но мне пора домой, — прозвучало резко и окончательно. В его голосе не осталось и тени той робкой теплоты, что была минуту назад.

Родители, понимая свою оплошность, мать даже бросила на дочь укоризненный взгляд, попытались его удержать, предлагая остаться. Но для Бейна щель в двери была теперь единственной целью. Мир людей снова стал чужим и опасным. Он кивнул, избегая смотреть в глаза Елене, и выскользнул в наступающие сумерки.

На следующий день Елена бегала по поляне, надеясь его найти, чтобы извиниться. Но лес молчал. Лишь старый дуб у беседки шелестел листьями, будто вздыхая. Она думала тогда, что он просто обиделся и придёт через день-другой. Она не знала, что в ту ночь, вернувшись в свои глухие чащи, Бейн получил от своего старейшины строгий приказ: «Контакты с людьми, особенно после того ужина, — величайшая опасность. Забудь ту тропинку. Забудь тот дом». А через неделю всё их маленькое племя, спасаясь от королевских патрулей, ушло ещё глубже, в непроходимые дебри, где уши эльфа не могли услышать даже отдалённый звон колоколов Гранады.

Девочка верила, что увидит его, однако с той встречи так и не наткнулась на эльфа...

Прошло десять лет...

Елена повзрослела и расцвела. Из златовласой девочки она превратилась в прекрасную девушку. Её братья служили в королевской гвардии. Отец погиб. Мать искала новое жильё и работу, чтобы вместе с дочерью устроиться в другом городе. Из-за постоянных переездов Елена была не слишком общительна и много времени проводила за книгами в местных библиотеках. Она с детства обожала сказки, а повзрослев, увлеклась любовными романами.

Девушка всегда радовалась, когда братья привозили ей новые книги. О своём детском приятеле Бейне она почти забыла, так больше никогда его не встречая.

Когда мать наконец нашла работу, Елене снова пришлось переезжать — на этот раз в небольшой городок под названием Гранада.

Глава 2. «Первый день»

«Вот опять переезд...» — подумала девушка, глядя в окно на убегающую дорогу. Её мама постоянно искала «лучшую жизнь» в новых, малонаселённых городах. Этот раз не стал исключением.

— Ну, вот мы и приехали, дорогая! Доченька? Ты меня слышишь? — потрепала её за плечо мать.

— А? Да, слышу, — отозвалась Елена, захлопывая дверцу машины.

Дом стоял на юго-западной окраине городка под названием Гранада. Из окна выглянула мужеподобная женщина и, ухмыльнувшись, вышла навстречу. В её руках была стопка толстых папок. Женщина была одета в строгий чёрный костюм, а пепельно-седые волосы собраны в аккуратный пучок.

— Ой, вы уже приехали! — торопливо спустилась она со ступенек крыльца. — Здравствуйте! Меня зовут Регина. Мы говорили по телефону о покупке этого замечательного дома. Нужно будет подписать кое-какие бумаги и договор. Но сначала пойдёмте, я вам всё покажу.

Учтиво пропустив Елену с мамой вперёд, она указала на входную дверь.

Дом снаружи ничем не отличался от соседних: чёрное дерево, два этажа, колючие кусты белых роз у крыльца.

Внутри они сразу оказались в гостиной с огромным камином. Регина показала им кухню и столовую на первом этаже, а затем, поднявшись по ветвистой лестнице, провела по комнатам второго этажа. Одна из них привлекла внимание Елены.

— Вот эта комната - моя, — заявила она.

— Доченька, но она такая маленькая. Больше похожа на кладовку, выбери другую.

— Мне нравится, тут окно во двор выходит. Решено, она моя!

— Ну, хорошо... — согласилась мама.

— Миссис Гурелла, давайте пройдем дальше, я покажу задний двор, и мы подпишем бумаги. А ваша дочь пусть устраивается, — предложила Регина.

— Можно просто Надин! — улыбнулась ей мама, и они отправились вниз.

Комната была крошечной, в три шага длиной и два шириной, но в ней чувствовалась странная, уютная завершенность, как в каюте корабля. Она располагалась под самой крышей, и потолок, с одной стороны, круто уходил вниз, образуя скошенный угол. Именно в эту покатую плоскость и было врезано единственное окно - небольшое, в свинцовых переплётках, настоящее слуховое окно, или «скворечник», как бы назвал его её отец. Оно выходило не на улицу, а во внутренний дворик, заросший кустами тех самых белых, колючих роз. Свет, пробиваясь сквозь мелкие стёкла и густую зелень за окном, рассеивался в комнате мягким, зеленоватым сиянием, словно под водой.

Стены были оклеены старыми, потускневшими от времени обоями с едва уловимым рисунком - когда-то это были, кажется, вьюнки и незабудки, но теперь остались лишь призрачные тени былого узора. У стены напротив окна стояла узкая, почти что подростковая железная кровать с пружинной сеткой. Матрас, оставленный прежними хозяевами, пах сеном и тишиной. На нём уже лежало бабушкино лоскутное одеяло, которое Елена достала из коробки, - его яркие квадратики сразу оживили пространство.

Справа от кровати, прямо под скатом потолка, притулился письменный стол. Это был добротный, но старый предмет: дубовая столешница, испещрённая поколениями прежних жильцов - здесь были вырезаны инициалы, каракули и даже чья-то попытка нарисовать кораблик. Одна ножка была чуть короче, и под неё нужно было что-то подложить. Но стол был огромным подарком - на нём помещались бы все её книги, а ящик с потайным замком, ключ, увы, потерян, сулил место для самых сокровенных дневников.

Слева от входа, занимая всю стену от пола до потолка, стоял книжный шкаф. Настоящая удача! Он был темного дерева, с высокими полками и застеклёнными дверцами, которые тихо поскрипывали. Его полки пока пустовали, но Елена уже мысленно заполняла их рядами любимых томов.

Над кроватью, приколотая обычной кнопкой, висела единственная фотография - та самая, семейная. А на тумбочке у изголовья, прямо в луче света от окна, занял своё почётное место ловец снов, подаренный отцом. Перья, свисавшие с обруча, колыхались от малейшего движения воздуха, а паутина из ниток и бусин бросала на стену причудливые кружевные тени. Рядом с ним Елена поставила гладкий голубой камушек - тот самый, детский, уже почти забытый талисман. Он лежал холодный и немой, просто кусочек прошлого.

Пол был деревянным, скрипучим, кое-где покрытым вытертыми половиками. Запах в комнате стоял особенный: не сырости, а старого дерева, сухой пыли с полок шкафа и едва уловимого, горьковато-сладкого аромата роз, доносившегося из дворика.

Это была не просто комната. Это была её капсула, её крепость и её кокон. И этот зелёный свет из окна, эти скрипучие половики и тени от ловца снов казались ей в тот момент куда роднее и важнее любой просторной, солнечной гостиной внизу.

Подойдя к окну, Елена увидела, как мама прощается с риелтором. На улице начал накрапывать дождь.

— Вот замечательно, ещё дождя не хватало! Надо быстрее занести вещи, — пробормотала Елена и пошла вниз.

Подняв несколько коробок и чемоданов, она принялась за разборку. Разобрав все коробки, девушка еще раз посмотрела на ловец снов, который когда-то смастерил ей отец.

«Он будет отпугивать дурные сны...» — вспомнились его слова.

— Я тоже по нему скупаю...

Елена вздрогнула от неожиданности и, резко подскочив, ударилась затылком об угол стола.

— Было хорошее время, когда он был жив... — мама взяла в руки единственную сохранившуюся семейную фотографию. — Но, милая, прошлое нужно оставить в прошлом. Даже если не хочется, надо двигаться дальше. Прошло уже пять лет, пора начинать жить заново.

С этими словами она протянула снимок дочери. На фотографии вся семья стояла возле старого дома. Елена с мамой улыбнулись друг другу и продолжили раскладывать вещи. Девушка ещё раз взглянула на фото и поставила его на тумбочку у кровати.

Так как они приехали в пятницу, у Елены было время обустроиться. Выходные пролетели быстро, и настал понедельник - день, когда предстояло идти в новую школу. В Гранаде их было четыре: два дорогих лицеза, одна старшая школа с хорошей репутацией и совершенно обычная, куда и определили Елену.

— Елена, детка, ты собралась? Нам скоро выезжать! — строго предупредила мама.

— Ещё минуточку!

Девушка натянула любимую синюю толстовку, собрала волосы в пучок, схватила портфель и вышла из дома. Мать уже ждала в машине. Пристегнувшись, Елена заметила её пристальный взгляд.

— Что такое?

— Ты собираешься так ехать в школу? Это же твой первый день! — слово «первый» мама постаралась выделить как можно сильнее.

— Мне так комфортнее. Я поеду прямо так! — парировала Елена.

Женщина лишь вздохнула, завела двигатель, и они поехали.

Городок был небольшим, и дорога заняла немного времени. Елена успела разглядеть живописные улочки и местные достопримечательности. Подъезжая к школе, она заметила готическую церковь, откуда выходили люди с печальными лицами.

— Наверное, у них горе? — спросила она, но мама только пожала плечами.

Через несколько минут они были на школьной парковке. Заглушив двигатель, мама повернулась к дочери:

— Ну, вот и приехали. Удачи!

Поцеловав её в щёку, Елена вышла из машины.

Школа оказалась не очень большой. В коридорах ученики толпились у шкафчиков, сверяли расписания, болтали. Елене было непросто пробиться к своему шкафчику - он располагался возле доски объявлений, вокруг которой столпились почти все. Из любопытства она попыталась разглядеть, что там. Подпрыгнув, девушка увидела список кружков и объявление о наборе волонтеров в местную церковь. Не найдя для себя ничего интересного, она достала документы и стала искать методический кабинет.

— Новенькая? — раздался рядом мягкий голос.

Елена обернулась и увидела девочку с большими карими глазами и рыжими вьющимися волосами. В руках у неё была стопка книг.

— У нас шкафчики рядом. Меня зовут Марфа, — она протянула свободную руку.

— Меня Елена. Да, я новенькая.

— Привет, Елена! У нас давно не было новичков. Пойдём, покажу тебе школу.

— Мне сначала нужно к секретарю за расписанием.

— Хорошо, провожу! — Марфа быстро убрала книги в шкафчик, взяла Елену за руку и повела по коридору.

— Миссис Гавра, это новенькая Елена, ей нужно утверждённое расписание, — представила она девушку.

— Сию минуту, — женщина за столом внимательно посмотрела на Елену. — Итак, ты Елена Блес, верно?

— Да.

— Тогда держи! — секретарь протянула ей расписание. — Полагаю, Марфа покажет тебе класс?

— Конечно! — Марфа снова взяла Елену под руку и увела в коридор.

— Так, что тут у нас? — она с интересом изучила расписание. — Биология в 215-й, геометрия в 306-й. И урок по выбору: современная драматургия, музыка или рисование. Могу помочь с выбором. Все преподаватели дополнительных дисциплин - истинные красавцы! Ну, что выберешь?

Они рассмеялись и, не заметив, как подошли к кабинету, зашли внутрь. Основные предметы у них совпадали.

— Наверное, выберу драматургию, — сказала Елена.

— И не пожалеешь! Мистер Ньютон чертовски красиво читает стихи. Он даже занял второе место на поэтическом конкурсе.

— А ты, я вижу, наблюдательная, — заметила Елена. — А ты что выбрала?

— Я с детства в музыкальной школе, так что выбор был один, — усмехнулась Марфа. — И мистер Карновети тоже тот ещё красавчик.

Прозвенел звонок, и они заняли места. Елена села рядом с Марфой - других знакомых у неё не было. Доставая учебники, она приготовилась слушать учителя. Основные уроки прошли быстро и оказались не такими уж скучными.

Когда настало время урока по выбору, девушки договорились встретиться после занятий в кафе рядом со школой. Подходя к кабинету драмы, Елена заметила в дальнем углу коридора пару - парня и девушку, которые о чём-то горячо спорили.

Звонок, возвещающий начало урока, уже прозвенел, но в кабинете царила предуроковая суета. Елена, чувствуя на себе любопытные взгляды, поспешила занять первую свободную

парту у окна - место казалось идеальным: и свет хороший, и к доске близко. Она только достала учебник и блокнот, как над ней возникла тень.

Перед ней стояла девушка, чья внешность словно сошла с глянцевой обложки. Безупречно прямые волосы цвета платины ниспадали на плечи, холодные голубые глаза смотрели свысока, а короткое жёлтое платье от дорогого бренда кричало о статусе. В углу её рта играла не улыбка, а нечто вроде брезгливой усмешки.

— Ты, видимо, не поняла, новенькая, — её голос был мелодичным, но в нём звенел стальной лёд, — но это место не твоё. Оно занято. С самого сентября.

Елена, слегка опешив от прямого натиска, подняла голову.

— Занято? Здесь же нет ни чьих вещей. Я свободное место и заняла.

— Вещей? — девушка фыркнула, будто услышала нелепую шутку. — Милая, здесь всё работает не по твоим деревенским правилам. Есть неписанный кодекс. Моё место - у окна, в первом ряду. Все это знают. — Она обвела взглядом класс, и несколько человек у задних парт неуверенно кивнули или отвели глаза.

В груди у Елены зашевелилось знакомое упрямство.

— Неписанный кодекс — когда договариваются. Я с тобой не договаривалась. И пока за партой нет твоего имени или официального расписания, она свободна. Прозвенел звонок, садись, пожалуйста, на любое другое. Их полно. — Она кивнула на пустующие места в конце класса.

Щёки блондинки слегка окрасились румянцем раздражения.

— О, я вижу, ты не только новенькая, но и с претензиями на остроумие. Послушай меня внимательно. Я- Глория Фрост. Мой отец — председатель попечительского совета этой школы. Я сижу здесь. Всегда. Это даёт мне... определённые привилегии. Например, не тратить время на объяснения с теми, кто ещё вчера, судя по всему, копался в грядках. — Её голос стал тише, но от этого лишь ядовитее. — Так что собери свои... вещички и освободи «мое» место. Пока я спрашиваю вежливо.

Тишина в классе стала гнетущей. Все ждали, чем кончится этот поединок. Елена почувствовала, как ладони стали влажными. Она ненавидела публичные скандалы. Но отступить сейчас - значило сразу обозначить своё место в новой иерархии: на самом дне.

— Привилегии твоего отца, Глория, — Елена сделала усилие, чтобы её голос не дрогнул, — касаются совета, а не рассадки в классе. У нас урок драматургии, а не урок сословного права. Преподаватель вот-вот войдёт. И я думаю, ему будет интереснее обсуждать с нами Шекспира, чем разбирать, чья это парта. Я пришла учиться, а не выяснять отношения. Я здесь остаюсь.

Она твёрдо положила руки на столешницу, демонстрируя, что сдвигаться не намерена. В её глазах горел не вызов, а спокойное, холодное упорство.

Глория замерла. Такого открытого неповиновения она, видимо, не ожидала. Её взгляд сузился, губы плотно сжались.

— Прекрасно, — прошипела она так тихо, что услышала только Елена. — Играешь в храбрость. Мило. Запомни этот момент, «копуша». Потому что ты только что сделала свою жизнь здесь очень, очень интересной. Надеюсь, тебе нравится быть в центре внимания.

Она резко развернулась, и её каблуки отчётливо простучали по полу, когда она направилась к последнему ряду. Она не села на первую попавшуюся парту, а остановилась перед двумя мальчишками, сидевшими у прохода.

— Вы. Место. Сейчас же, — бросила она, не глядя на них.

Ребята, переглянувшись, безропотно встали и перебрались на другие места. Глория грациозно опустила на освобождённый стул, положила перед собой идеально чистый блокнот и уставилась прямо на Елену. Её взгляд был обещанием - тихим, неумолимым и совершенно леденящим.

В класс вошёл мистер Ньютон. Урок начался. Но Елена, сидя у окна, больше не чувствовала победы. Она чувствовала на себе тяжелый, неотрывный взгляд со стороны класса - взгляд, который говорил, что война только что была объявлена, и первая битва, возможно, была выиграна ценой долгой и грязной кампании.

Глава 3. «Учитель и ученик»

Дверь в класс открылась без стука плавно и бесшумно, как будто её отодвинула сама тишина, уступая дорогу. И он вошёл.

Не шагом, а скорее возник в проёме, заставив воздух в классе замереть и заиграть по-новому. Первое, что поразило контраст. Безупречно чёрный бархатный смокинг, сидящий на нём с аристократической небрежностью, и волосы волны ослепительно-белых, почти фосфоресцирующих локонов, ниспадающих на плечи. Это была не седина, а альбиносная белизна, словно его окунули в лунный свет, и он не высох.

Затем, взгляд. Глаза цвета тёплого янтаря, не просто светлые, а сияющие изнутри, как два расплавленных самоцвета. Они медленно, без суеты, обвели класс, и каждый ученик почувствовал, будто этот взгляд коснулся именно его, на миг проникнув под кожу, прочитав сокровенное.

Он не сказал ещё ни слова, но атмосфера в классе уже переменялась. Девичий шёпот и смешки смолкли, затихли. Девчонки замерли, некоторые буквально затаив дыхание, а несколько парней на задних партах невольно выпрямили спины. От него исходила не просто харизма тихая, безраздельная власть, власть того, кто знает цену вниманию и умеет его требовать, не повышая голоса.

И наконец, голос. Когда он заговорил, обращаясь к классу, воздух, казалось, загудел низким, обволакивающим звуком.

— Добрый день, — произнёс он. Звук был бархатным и глубоким, как звук виолончели в пустом зале. Он не заполнял пространство - он его формировал, создавая вокруг себя зону абсолютной тишины и сосредоточенности. — Надеюсь, вы готовы сегодня не просто слушать, но и чувствовать.

Он прошёл к своему столу, и его движение было удивительно плавным, почти бесшумным. Складки смокинга колыхались, словно тень. Положив на стол тонкую папку с пожелтевшими листами, казалось, он принёс с собой не учебники, а древние манускрипты, он облокотился на спинку стула и снова окинул всех тем своим проникающим, янтарным взглядом.

— Итак, — его губы тронула едва уловимая, загадочная улыбка, — сегодня мы будем говорить о любви. О той, что сжигает дотла. И о смерти. О той, что настагает в самый яркий миг. Мы будем говорить о вечности, уместившейся в пять дней. Мы будем говорить о «Ромео и Джульетте».

Он сделал паузу, дав этим словам повиснуть в воздухе, насыщенном теперь не просто ожиданием урока, а предвкушением тайны.

В этот момент Елена, как и все остальные, поняла — это не просто учитель. Это мастер, заклинатель, хранитель портала в другие миры. И его класс - не урок, а посвящение.

«Наверное, не все парни питают пристрастие к литературе», — подумала Елена.

—Но сначала я хочу познакомить вас с новым учеником, который перешёл к нам из соседней школы.

Тишину, повисшую после слов мистера Ньютона, разрезал резкий, чуть скрипучий звук, кто-то с силой толкнул дверь, и та, ударившись о стену, отскочила с глухим стуком.

В проёме, залитом светом из коридора, возникла угловатая, чуть сутулая «силуэтная тень». На мгновение он замер, будто давая классу рассмотреть себя, а затем шагнул внутрь. Свет упал на него, и по рядам пробежал сдержанный, но ощутимый вздох - не восхищения, а скорее ошеломлённого любопытства.

Он был живым «контрастом» чёрно-белой утончённости Ньютона. Его фигура была облачена в потрёпанную кожаную куртку чёрного цвета, от которой пахло дымом, бензином и свободой. Под ней мелькнула серая футболка с потускневшим принтом незнакомой рок-группы.

Мешковатые штаны-бананы цвета хаки болтались на бритой цепи, пристёгнутой к ремню. На ногах, грубые, не по сезону, армейские ботинки на толстой подошве, которые гулко отдавались по полу.

Но лицо... Лицо заставляло взгляд задержаться. Волосы были коротко стриженными, почти под ноль, открывая чёткие, немного жёсткие черты. А глаза... Глаза были густо подведены по нижнему веку чёрным карандашом, почти как у рок-звезды восьмидесятых или у древнего воина перед битвой. Этот грим не казался клоунским - он делал его взгляд пронзительным, колючим и на удивление осознанным. Взгляд этот медленно, с ленивым вызовом, скользнул по классу, на миг задержался на удивлённом лице Елены, а затем упёрся в учителя.

Он не стал ждать приглашения. Сделав два размашистых, небрежных шага в центр комнаты, он вскинул подбородок. Движение было дерзким, почти вызывающим.

— Всем салют, — прокричал он, и его голос оказался неожиданно хриловатым, низким, сорванным, будто от частых криков на концертах. В нём не было и тени робости новичка. — Меня зовут Юрий.

Он произнёс это не как представление, а как заявление о факте. Как брошенную на стол перчатку. Затем он повернулся к мистеру Ньютону, и в его позе читалась не столько почти-тельность, сколько любопытство хищника, оценивающего другого сильного зверя.

В классе воцарилась напряжённая тишина. Это был не просто новый ученик. Это была живая вспышка другого мира - мира громкой музыки, ночных улиц и бунта - ворвавшаяся в утончённую атмосферу литературного салона. Воздух между безупречным учителем в смокинге и этим парнем в потрёпанной коже заискрился от невидимого противостояния.

После того, как низкий, хриловатый голос Юрия отзвучал, в классе повисла напряжённая, почти звенящая тишина. Все взгляды метались от дерзкого новичка к учителю, ожидая его реакции.

Мистер Ньютон не изменился в лице. Он лишь слегка приподнял одну белую, идеально очерченную бровь, и в его янтарных глазах вспыхнула искра холодного, оценивающего интеллекта, будто учёный, обнаруживший неожиданный, но любопытный экземпляр. Его губы тронула едва заметная, нечитаемая полуулыбка.

— Салют, — отозвался он тем же словом, но произнёс его на свой манер: бархатно, медленно, растягивая гласные, лишая его всей дерзости и превращая в светскую усмешку. — Добро пожаловать в наше скромное собрание, Юрий. Мы как раз собирались погрузиться в пучину шекспировских страстей. Надеюсь, ты не боишься глубины?

В его тоне не было ни раздражения, ни покровительства - лишь лёгкая, почти театральная ирония, ставящая дерзость парня в рамки урока. Он сделал паузу, дав своим словам осесть, а затем его пронизывающий взгляд скользнул по классу и остановился на Елене. Взгляд был быстрым, но точным, как удар иглы.

— Поскольку наше сегодняшнее действие вращается вокруг дуэта, — продолжил мистер Ньютон, его бархатный голос завладевал вниманием снова, — то и рассадить вас стоит соответствующим образом. Юрий, будь так любезен, займи место рядом с нашей новой музыкой. — Он изящным движением руки, похожим на жест фокусника, указал на пустующую парту справа от Елены. — Вон там, у окна. Возможно, её свет несколько смягчит вашу... неприступную атмосферу.

Предложение прозвучало не как приказ, а как изысканное предложение, от которого невозможно отказаться, не показавшись невеждой. Затем, не дав никому опомниться, учитель плавно перевёл взгляд обратно на Елену. Его янтарные глаза сфокусировались на ней с новой, почти интимной интенсивностью.

— А теперь, чтобы соблюсти симметрию и дать нам всем возможность познакомиться, — его голос стал чуть тише, заговорщицким, — Елена, выйдите к нам, пожалуйста. Не пряч-

тешь там в тени парты. Пусть класс увидит то лицо, которое вдохновит нас сегодня на анализ прекрасной Джульетты.

Это был не просто вызов к доске. Это было приглашение на сцену, произнесённое режиссёром, который уже видит в тебе персонажа. Фраза «наша новая муза» и намёк на вдохновение висели в воздухе, делая простую процедуру представления маленьким, но значимым событием. Всё внимание, которое секунду назад было приковано к дерзкому Юрию, теперь полностью обрушилось на Елену, заставляя её почувствовать жар на щеках. Мистер Ньютон, слегка склонив голову набок, ждал её движения, и в его позе читалось терпеливое, но непреклонное ожидание - спектакль должен продолжаться, и все действующие лица обязаны выйти на свет ramпы.

Прозвучавшее приглашение повисло в воздухе плотным, звенящим вызовом. Слова «наша новая муза» обожгли щёки Елены. На мгновение ей показалось, что все звуки в классе стихли, и она слышит лишь гул собственной крови в ушах.

Она медленно отодвинула стул. Скрип дерева по полу прозвучал невероятно громко. Поднимаясь, она чувствовала, как десятки пар глаз прилипли к ней, как смола. Она сделала первый шаг, затем второй. Дорога к доске, всего в несколько метров, казалась бесконечным коридором. Она шла, стараясь держать спину прямо, но её плечи были слегка ссутулены, будто под невидимым грузом внимания.

По пути она почувствовала на себе тяжёлый, оценивающий взгляд Глории с последнего ряда - взгляд, полный ядовитого любопытства. С другой стороны, на неё смотрел Юрий его подведённые глаза теперь выражали не вызов, а пристальный, заинтересованный анализ. И над всем этим парил спокойный, всевидящий взгляд мистера Ньютона, янтарные зрачки которого, казалось, фиксировали каждый её неуверенный жест.

Наконец она оказалась у доски. Повернувшись к классу, она инстинктивно сжала руки за спиной, чтобы скрыть лёгкую дрожь в пальцах. Свет из окна падал на неё сбоку, выхватывая из полумрака класса её фигуру: синюю толстовку, светлые волосы в небрежном пучке, слишком открытое, беззащитное лицо.

Она открыла рот, но первый звук застрял в горле. Она сглотнула и попыталась снова.

— Меня... меня зовут Елена, — её голос прозвучал тише, чем она ожидала, немного сдавленно, но чистые ноты пробились сквозь тишину.

Она сделала паузу, собираясь с мыслями. В голове крутились заготовленные, банальные фразы про переезд, но они казались сейчас нелепыми и жалкими под прицелом этих глаз.

— Я переехала сюда недавно, — продолжила она, уже чуть увереннее. Её взгляд, блуждавший по потолку, опустился и неожиданно встретился с взглядом учителя. В его глазах не было насмешки - лишь внимательное, почти поощрительное терпение. Это придало ей каплю смелости.

— Мы с мамой... мы часто переезжаем. Поэтому у меня не так много опыта в том, чтобы... — она запнулась, ища слово, — чтобы оставаться. Надолго. Но здесь... — её взгляд невольно скользнул по лицам одноклассников, по парте, где сидел Юрий, по зелёным кронам деревьям за окном, — здесь чувствуется что-то иное. Как будто воздух другой. И, наверное, поэтому я здесь, на этом уроке. Потому что в местах, которые кажутся... постоянными, хочется говорить о вещах вневременных. О любви. И о смерти.

Она замолчала, сама удивлённая своими словами. Она не планировала говорить этого. Это вырвалось само - смутное эхо её собственных мыслей, выдавленное напряжением момента.

В классе повисла не тишина ожидания, а тишина осмысления. Даже Глория перестала ёрзать. Мистер Ньютон слегка кивнул, и его губы тронула та самая, едва уловимая улыбка - на этот раз в ней читалось не ирония, а тихое удовлетворение, будто он только что услышал нужную ноту в исполнении нового инструмента.

— Благодарю, Елена, — произнёс он, и его бархатный голос наполнил комнату, словно ставя точку в её небольшом монологе. — В местах постоянных хочется говорить о вещах вне-

временных. Запомните эту фразу, класс. Это и есть ключ ко всему, что мы будем сегодня обсуждать. Можешь возвращаться на своё место, наша муза. Рядом с твоим... новым партнёром по сцене.

Он кивнул в сторону парты, где уже сидел Юрий. Фраза «партнёр по сцене» прозвучала многозначительно. Елена, всё ещё находясь под воздействием собственной неожиданной откровенности, медленно пошла обратно. Теперь она чувствовала на себе взгляды иначе не как на чужеродный объект, а как на личность, которая только что обозначила своё присутствие. И пока она шла, она поймала на себе взгляд Юрия. Он не улыбался. Он просто смотрел. Пристально, без гримасы вызова, с тем же аналитическим интересом, с каким он, возможно, разглядывал текст новой песни.

Когда слова Елены — «в местах постоянных хочется говорить о вещах вневременных» — повисли в наступившей тишине, в классе произошло едва заметное, но важное смещение. На некоторых лицах мелькнуло невольное уважение или задумчивость. Но из последнего ряда, где обосновалась Глория со своей свитой, послышался звук.

Это был не смех, а тихий, сдержанный выдох через нос - звук, полный пресыщенного высокомерия. Затем последовал лёгкий, язвительный шёпот, намеренно сделанный достаточно громким, чтобы его расслышали ближайшие соседи, но достаточно тихим, чтобы иметь видимость секрета.

— О, боже, — прошипела Глория, не глядя ни на кого, а лишь перебирая идеальный маникюр. — Вневременное. Прямо как в дешёвом романе из придорожного киоска. Какая глубокая мысль, нам всем теперь есть над чем плакать.

Её подруга рядом фыркнула, прикрыв рот рукой, но её плечи дёрнулись от сдержанного хихиканья. Глория продолжила, уже чуть громче, обращаясь к своей соседке, но глядя при этом прямо на спину Елены, которая как раз делала первые шаги от доски:

— Наверное, следующий шаг сказать, что смерть — это просто путешествие в страну вечных снов. Как мило и... примитивно.

Это был удар ниже пояса, замаскированный под светскую критику. Ядовитые слова висели в воздухе, угрожая отравить ту хрупкую искренность, что только что родилась у доски.

Но, прежде чем Елена успела даже среагировать - её спина напряглась, шаг замедлился, в ситуацию вмешался бархатный, но теперь обладающий стальной нитью голос учителя.

— Глория, — произнёс мистер Ньютон.

Он не повысил тон. Он даже не перебил её резко. Он просто произнёс её имя. Но сделал он это особым образом: медленно, растягивая каждый слог — Гло-о-ори-я — и вложив в это звучание всю силу своего неоспоримого авторитета. Это было похоже на то, как натягивают струну тихо, но до предела.

Все взгляды мгновенно переключились на него. Он не смотрел на Глорию гневно. Его янтарные глаза были спокойны, холодны и абсолютно непроницаемы. На его лице не было и тени улыбки.

— Я ценю твоё... живое участие в дискуссии, — сказал он, и слово живое прозвучало как тончайшая, ледяная насмешка над её выпадом. — Однако, философские категории - не твоя сильная сторона. Твоя сила, как мы все знаем, в безупречном заучивании текста и его эффектной подаче. — Он сделал крошечную, почти изящную паузу, давая этим словам, которые звучали как комплимент, но на деле были уничижительной оценкой её поверхностности, достичь цели. — Поэтому давай сохраним твою драгоценную энергию для монологов Джульетты. А пространство для мысли оставим тем, кто способен в него погрузиться, не боясь испачкаться о глубину.

Его фраза была убийственно вежливой, безупречно корректной и при этом совершенно уничтожающей. Он не отчитал её. Он вежливо поставил её на отведённое ей место, место

исполнительницы, а не мыслительницы. И одновременно защитил Елену, возведя её попытку осмысления в достоинство.

Глория резко обернулась к нему. На её идеально подведённом лице вспыхнули пятна румянца от ярости и унижения. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но встретила его непоколебимый, ледяной взгляд. Это был взгляд, который не спорил, а констатировал. И в нём читалось предупреждение: следующий шаг будет стоить ей гораздо больше.

Она сжала губы до белой линии, резко отвернулась и уставилась в окно, демонстративно показывая, что выходит из игры. Её подруга тут же замолчала, сжавшись на стуле.

Тишина в классе снова стала плотной, но теперь она была напряжённой от подавленного конфликта и ясной расстановки сил. Мистер Ньютон, не меняя выражения лица, плавно перевёл взгляд на Елену, уже дошедшую до своей парты, и его тон снова стал тёплым и вовлекающим.

— Итак, возвращаясь к нашим вневременным категориям, — сказал он, словно ничего не произошло, — давайте откроем страницы, где любовь и смерть сплетаются в вечный поединок...

Инцидент был исчерпан. Учитель не повысил голос, не сделал выговор. Он просто вежливо, но неумолимо прищемил ядовитое жало, показав всем, кто здесь истинный хозяин слова и мысли.

После того, как напряжённый момент с Глорией растворился в бархатном голосе учителя, в классе воцарилась рабочая тишина, наполненная лишь шелестом страниц и мерным голосом мистера Ньютона, разбирающего метафоры шекспировского текста.

Елена, всё ещё чувствуя жар на щеках от выступления и последовавшей за ним сцены, старательно смотрела в учебник, но буквы расплывались перед глазами. Она чувствовала незримое присутствие нового соседа - его энергия была плотной, как запах кожи и старого дыма, и она излучала почти физическое тепло. Наконец, её боковое зрение зафиксировало движение. Юрий, положив локти на стол и склонив голову набок, смотрел на неё. Не на учебник, не на учителя, а прямо на её профиль. Его взгляд, лишённый теперь всеобщего вызова, был просто пристальным и невероятно сфокусированным.

— Не ожидал, — прошептал он. Его голос на низких тонах, вполголоса, звучал иначе, не хриплым криком, а приглушённым, чуть шершавым шёпотом, будто изношенная лента на старом магнитофоне.

Елена медленно повернула к нему голову, встретив его подведённые глаза. Вблизи грим казался ещё более странным и намеренным.

— Чего не ожидал? — так же тихо откликнулась она, бросая осторожный взгляд на учителя. Мистер Ньютон, ходивший между рядами, был сейчас у доски, его спина была к ним повернута.

— Что в этой... консервной банке, — он едва заметным движением подбородка указал на класс, — найдётся кто-то, способный выдать не заученную из учебника цитату, а свою мысль. Пусть даже сырую. «Воздух другой». Это сильно.

В его словах не было лести. Была констатация факта, оценка, как мастер оценивает работу другого, пусть и начинающего. Елена почувствовала неловкость и лёгкое раздражение от этого тона.

— Это не мысль. Это просто... констатация факта, — парировала она, невольно используя его же слово.

— Самые крутые вещи всегда начинаются с констатации факта, — он небрежно откинул со лба несуществующую прядь. — Факт: мир - дерьмо. Факт: музыка - единственное, что имеет смысл. Всё искусство отсюда растёт.

— Ты о музыке? — переспросила Елена, заинтригованная.

— Обо всём, что рвётся наружу, несмотря ни на что, — он пожал одним плечом. — Как твои слова сейчас. Ты же не хотела этого говорить. Их из тебя вытащили. Как клеща.

От этого грубого, но точного сравнения ей стало слегка не по себе. Он видел слишком много.

— А тебя? — рискнула она спросить. — Тебя тоже «вытащили» сюда? Из лица?

На его губах, тонких и выразительных, дрогнуло что-то вроде усмешки, но беззвучной.

— Меня? Меня выперли. — Он сказал это абсолютно спокойно, как о погоде. — За «неподобающий вид, подрывающий устои и разлагающий моральный облик». Цитата. Здесь, видимо, устои попрочнее. Или директору всё равно.

Елена не знала, что ответить. В её мире так не говорили. Не было этой вызывающей, горькой откровенности.

— Жаль, — сказала она наконец, не зная, о чём именно о его выдворении или о том, что он здесь.

— Не стоит. Там скучно. Здесь, по крайней мере, драматургия. И... — он снова пристально посмотрел на неё, — персонажи интереснее.

В этот момент мистер Ньютон обернулся от доски, и его янтарный взгляд скользнул по их ряду. Они синхронно опустили глаза в учебники, сделав вид, что увлечены анализом сцены на балконе. Тишина между ними снова стала просто тишиной соседей по парте, но она была теперь наполненной, заряженной невысказанным. Это был не дружеский треп, а разведка боем - два абсолютно разных существа из разных вселенных, нашедших на карте случайную точку пересечения и изучающих друг друга с холодным, но жадным любопытством.

Когда учитель снова повернулся спиной, Юрий, не глядя на Елену, прошептал последнюю фразу, тыкая ручкой в строчки пьесы:

— Кстати, насчёт лагеря... Это не был литературный загородный лагерь. Это была психушка, Лена. Там лечат от излишней склонности к поэзии. Советую не проявлять её слишком явно. — Он бросил на неё быстрый взгляд, в котором мелькнуло что-то настоящее, не вызов, не бравада, а предупреждение, жёсткое и почти товарищеское. — А то и тебя туда зашлют. Там, кстати, тоже воздух «другой». Пахнет хлоркой и несбывшимися снами.

Мистер Ньютон ходил между рядами, его бархатный голос рассекал тихий воздух класса, разбирая на части тонкую ткань шекспировских страстей. Он остановился около их парты, и Елена почувствовала, как легкая тень от его безупречного силуэта упала на её учебник.

— ...Именно в этой сцене, — говорил он, слегка касаясь костяшками пальцев столешницы перед Юрием, — рок перестаёт быть абстракцией. Он обретает голос. Голос, полный юношеского максимализма и той самой роковой решимости. — Учитель выпрямился и медленно перевёл свой янтарный взгляд с текста на лицо Юрия. — Я слышал, ты обладаешь определённым... даром убедительной интонации. Не осветишь ли нам этот отрывок? Начиная со слов Ромео: «Тогда я бросаю вам вызов, звёзды!»

Это была не просьба, а испытание. Вызов, брошенный с холодной вежливостью. Весь класс замер, предвкушая. Что выдаст этот парень в коже? Сорвётся на крик? Прочитает монотонно?

Юрий не дрогнул. Он даже не взглянул в учебник. Он откинулся на спинку стула, посмотрел в окно на секунду, словно ища там нужную ноту, а затем его глаза вернулись к учителю. В них не было ни вызова, ни страха — лишь сосредоточенная готовность к действию.

Он начал. И это был не школьный пересказ. Это было низкое, хриплое бормотание, полное внутренней ярости и горькой иронии.

— Тогда бросаю вызов тебе, звёзды... — прошипел он, и каждое слово звучало как плевок в лицо судьбе. Он не декламировал - он проживал это отчаяние и вызов. Его голос, грубый и сорванный, идеально ложился на отчаяние Ромео. — ...Забери всё. Всю эту пародию на жизнь. Ты думаешь, я боюсь? Ты думаешь, эта тьма страшнее, чем свет без неё?

Он сделал микроскопическую паузу. Воздух в классе казался наэлектризованным. Даже Глория перестала рисовать в блокноте. И в эту паузу вступил другой голос.

Бархатный, глубокий, идеально контролируемый. Мистер Ньютон стоял всё там же, его руки были спокойно сложены, но он начал читать следующие строки. Он не перебил он влился. Как вторая скрипка, подхватывающая тему у виолончели.

— ... Ибо в объятиях ночи я обрету покой, которого день мне не сулил, — продолжил учитель, и его слова были не вызовом, а роковой, почти нежной уверенностью. — Их поцелуй леденящий, но он честнее всех солнечных клятв.

Получился жутковатый, захватывающий дуэт. Два абсолютно разных тембра, два разных подхода. Голос Юрия, это была ярость плоти, бунт против машины мира. Голос Ньютона, холодная мудрость самой этой машины, принимающей вызов.

Юрий, слегка отклонив голову, слушал, и его подведённые глаза сузились, словно он анализировал звучание. Когда учитель закончил фразу, Юрий снова вступил, но уже иначе, не с прежней яростью, а с приглушённой, почти интимной горечью, будто переняв что-то от манеры учителя:

— ... Так пусть же этот яд будет моим последним глотком свободы. Я выпью тебя, судьба, до дна.

И снова, на последнем слове, плавно, без стыка, вплелся бархатный контрапункт Ньютона, завершая мысль с фатальной законченностью. Они не смотрели друг на друга. Они смотрели в пространство класса, но было очевидно, что они слышат только друг друга в этот момент. Это был поединок, превратившийся в странный, гармоничный диалог.

Когда последнее эхо их голосов растворилось в тишине, в классе несколько секунд царила полная немая тишина. Затем мистер Ньютон медленно кивнул, и на его губах появилась не улыбка, а выражение глубочайшего профессионального удовлетворения, как у дирижёра, услышавшего, как два сложных инструмента нашли общий строй.

— Благодарю, — сказал он, и это слово, обращённое к Юрию, звучало как высшая форма признания. — Ты подтвердил мою догадку. Иногда самые светлые истины рождаются из самых тёмных тембров. Продолжим.

Урок возобновился, но напряжение в воздухе не исчезло оно преобразилось. Теперь это было напряжение творческой энергии, высвобожденной этим неожиданным дуэтом. А Елена, сидя между ними, чувствовала себя свидетелем чего-то важного — столкновения и признания двух скрытых сил, разговор которых шёл на языке, недоступном остальным.

— А ты молодец! Ты знаешь это произведение наизусть? — спросила Елена.

— Спасибо. Да, я хорошо его изучил в том самом лагере.

— Расскажешь потом? — заинтересовалась она.

— Договорились, — кивнул он.

Звонок, резкий и безликий, ворвался в замороженную тишину, что повисла после последних слов учителя о фатуме и свободе. Класс вздохнул, зашевелился, заскрипели стулья. Воздух, только что заряженный высоким напряжением искусства, начал стремительно заполняться обыденностью: шелестом убираемых учебников, щелчками застёжек рюкзаков, сдержанным гулом предвкушающей свободы беседы.

Но прежде, чем эта волна захлестнула всех, над общим шумом парил, не повышая тона, бархатный голос мистера Ньютона.

— Один момент, пожалуйста.

Все замолкли на полуслове, замерли в полупозах. Он стоял у своего стола, поправляя манжет безупречно белой рубашки, и его янтарный взгляд, спокойный и всевидящий, обвёл класс.

— Прежде чем вы ринетесь на волю, — начал он, и в его тоне зазвучала лёгкая, почти дружеская ирония, — у меня для вас возможность обменять пару выходных на билет в совсем

другую реальность. На этих выходных в Южном Дублине проходит отборочный тур межшкольного фестиваля. Ставка - полноценная постановка «Ромео и Джульетты» на сцене столичного театра «Глобус». — Он сделал паузу, давая осознать масштаб. — Я буду рад видеть там любого из вас. Особенно тех, кто сегодня доказал, что способен не просто читать, а дышать текстом.

Его взгляд на долю секунды задержался на Юрии, а затем скользнул к Елене. Это было едва уловимо, но заметно.

Реакция последовала мгновенно. Со своего места в конце класса, словно её и поджидали, резко поднялась Глория. Её движение было отрепетированным и полным абсолютной уверенности.

— О, мистер Ньютон, это же идеально! — её голос звенел сладкими, металлическими нотами. — Я, конечно, буду пробоваться на Джульетту. После моей прошлогодней леди Макбет, думаю, вопросов ни у кого не останется. Это моя роль. По всем параметрам.

Рядом с ней несколько девушек закивали, как хорошо обученный хор, выдав несколько одобрительных «конечно!» и «это очевидно!». Глория стояла, положив руку на бедро, её поза говорила о том, что место уже занято, а конкурс - просто формальность.

Елена, наблюдая за этим, почувствовала знакомый холодок под ложечкой. Мир снова стал простым и жестоким, с заранее распределёнными ролями. Она молча, не глядя ни на кого, взяла свой учебник и рюкзак и направилась к выходу, желая поскорее раствориться в потоке учеников.

— Елена.

Её имя, произнесённое тем же бархатным тоном, но теперь обращённое лично к ней, заставило её застыть на месте, будто она наткнулась на невидимую стену. Она медленно обернулась.

— Оставайтесь на минуту, — сказал мистер Ньютон. Не спрашивал. Просил, но так, что это звучало как приказ судьбы.

Она кивнула, чувствуя, как на неё снова устремляются взгляды на этот раз любопытные, а кое-где, со стороны Глории, злорадные. Она вернулась и опустилась на стул перед учительским столом, положив рюкзак на колени, как щит. Она старалась смотреть куда угодно: на полки с книгами, на зелёный сукно стола, только не в его глаза. Те янтарные глубины, которые минуту назад казались источником вдохновения, теперь ощущались слишком пронзительными, почти опасными.

— Почему мой предмет? — спросил он без преамбулы. Его вопрос повис в тихом, почти пустом теперь кабинете. Звуки из коридора доносились приглушённо, как из другого мира.

Елена пожалала плечами, всё ещё избегая прямого взгляда.

— Выбора особо не было, — её голос прозвучал тише, чем она хотела. — Музыка, рисование... не моё. А в старых школах... я иногда участвовала в спектаклях. Это было что-то знакомое.

— В старых школах? — он мягко переспросил, и в его тоне ей послышалась не просто вежливость, а настоящий интерес. — Часто меняли адреса?

— Да, — коротко ответила она, не желая вдаваться в детали своих вечных переездов. — Мы с мамой... мы в пути.

— Понимаю. И в каких же мирах вам довелось побывать? На сцене, я имею в виду.

Она перечислила названия, чувствуя, как они звучат по-детски, почти нелепо на фоне шекспировских страстей: «Питер Пэн», «Спящая красавица», «Аленький цветочек» ...

Он кивнул, и уголок его рта дрогнул.

— Прекрасный фундамент. А вершиной карьеры стала, конечно, главная роль? Юная фея? Отважная принцесса?

Елена почувствовала, как краска заливает её щёки. Она опустила голову ещё ниже.

— Главную роль я играла один раз. В детском саду. В «Трёх поросятах».

Наступила секундная тишина, а затем кабинет наполнился искренним, гулким, бархатным смехом. Мистер Ньютон рассмеялся так, как не смеялся, кажется, никогда на уроках. Это был не преподавательский смешок, а настоящий, раскатистый, заразительный хохот, от которого задрожали его белоснежные пряди и в янтарных глазах появились весёлые морщинки. Его ослепительная улыбка на мгновение сделала его не загадочным гуру, а просто очень молодым и увлечённым человеком.

— Bravo! — выдохнул он, от смеха. — И кого же вам доверили? Скажите, что это был Наф-Наф — практичный строитель, человек дела!

— Н-нет, — выдавила из себя Елена, и её собственные губы невольно потянулись в улыбку. — Ниф-Ниф. Тот, что из соломы.

Это признание вызвало у него новый взрыв хохота, ещё более одобрительного.

— Гениально! — воскликнул он, вытирая несуществующую слезу с уголка глаза. — Основа всего драматического искусства! Легкомыслие, ведущее к катастрофе, и последующее преобразование! Вы начали с архетипа, Елена!

Он смеялся, и этот смех был таким неожиданно тёплым и человечным, что Елена наконец осмелилась поднять на него взгляд. И в этот самый момент в дверь резко, настойчиво постучали - не два вежливых постукивания, а три отрывистых, требовательных удара.

Всё веселье мгновенно испарилось с лица мистера Ньютона. Его улыбка погасла, будто её и не было, а взгляд снова стал непроницаемым и холодным. Он выпрямился.

— Войдите.

Дверь открылась, и в кабинет, не дожидаясь разрешения войти дальше, шагнула Глория. Она стояла в проёме, словно модель на пороге подиума, её поза излучала нетерпение и уверенность в своём праве быть здесь.

— Мистер Ньютон, мне необходимо с вами поговорить. Наедине. — Она бросила на Елену быстрый, уничтожающий взгляд, полный смысла: «Твоё время вышло. Убирайся».

Учитель даже не посмотрел на Глорию. Его янтарные глаза были прикованы к Елене, но теперь в них не было ни тепла, ни веселья, лишь деловая, безличная собранность.

— Подожди за дверью, Глория. Я освобожусь через минуту.

Глория, казалось, хотела возразить, но, встретив его стальной, ничего не выражающий взгляд, лишь сжала губы. Она бросила на Елену ещё один ядовитый взгляд на этот раз обещающий, что этот разговор им ещё аукнется, и с грохотом захлопнула дверь.

В кабинете снова стало тихо. Мистер Ньютон вздохнул, едва заметно, и вернулся к деловому тону.

— Итак, Елена, мы прервёмся. На следующем занятии продолжим. И, пожалуйста, — он посмотрел на неё прямо, и в его взгляде промелькнула тень того, что она могла бы назвать... аплодисментами про себя, — выучи монолог Джульетты. Тот, что начинается со слов «Что имени?...» Думаю, ты найдёшь в нём кое-что созвучное. Можешь идти.

— Хорошо, — прошептала она, поднимаясь. Схватив рюкзак, она поспешила к двери, чувствуя на себе его взгляд, который снова, казалось, видел её насквозь. Выходя, она едва не столкнулась с Глорией, прислонившейся к стене напротив с выражением ледяного презрения на лице. Елена прошла мимо, не глядя, но спиной ощущая тот ненавидящий взор, будто физическое касание. Дверь кабинета закрылась за её спиной, оставив её одну в шумящем коридоре, с новым заданием и смутным, тревожным чувством, что её скромное школьное существование только что стало гораздо сложнее и опаснее.

Ещё отзвучавший в ушах хохот учителя и леденящее можешь идти смешались в голове в странный коктейль. Елена, торопливо выскользнув из кабинета, наткнулась на плотную стену школьного шума, грохот металлических шкафчиков, смех, крики, торопливые шаги. Она сделала несколько шагов по коридору, чувствуя, как взгляд Глории, ждущей у двери, жжёт ей спину. Пытаясь уйти быстрее, она не заметила торчащий из-под соседнего шкафчика ранец.

Нога предательски зацепилась за лямку. Потеряв равновесие, она с глухим стуком упала на колени, а из её рук вырвался и полетел тяжёлый учебник по литературе, рассыпав по линолеуму ручки, карандаши и блокнот. Унижение, горячее и острое, прилило к щекам. Она, не поднимая головы, потянулась за ближайшей ручкой, и в этот момент перед её глазами возникла пара ног.

Не просто ног. Пара стройных, идеально точеных ног в дорогих лодочках цвета венге на высоком, тонком каблуке. Они стояли так близко, что почти касались разбросанных карандашей. Елена медленно подняла голову, ведя взглядом по стройным икрам, обтянутым шёлковыми колготками, по короткому, модному платью и остановившись на лице.

Глория смотрела на неё сверху вниз. На её губах играла не улыбка, а сочное, глубокое выражение торжествующего удовлетворения, словно она только что наблюдала за тем, как её предсказание сбывается в реальном времени.

— Осторожней на поворотах, новенькая, — прошипела она сладким, ядовитым голоском. — А то ещё и не дотакой роли дойдёшь, до какой мечтаешь. — Она сделала крошечную, театральную паузу, наслаждаясь моментом. — И даже не думай, что роль Джульетты может когда-нибудь достаться тебе. Это просто смешно.

Сказав это, она плавно, с королевским величием обошла Елену, сидящую на полу, высоко задрвав подбородок, и толкнула дверь в кабинет мистера Ньютона, скрывшись за ней. Дверь закрылась с тихим, но многозначительным щелчком.

Елена осталась сидеть на холодном полу, чувствуя себя мелкой, растоптанной и нелепой. Она глубоко вдохнула, собрала в ладонь рассыпанную канцелярию, поднялась, отряхнула колени и, плотно прижав учебник к груди, поплелась к своему шкафчику.

И тут её ждал новый сюрприз. Возле её шкафчика, непринуждённо облокотившись на соседний, стоял Юрий. Он уже снял свою кожаную куртку и накинул её на плечо, держа за воротник. Его подведённые глаза смотрели на неё, и на его губах играла странная, не то насмешливая, не то понимающая полуулыбка. Он не ушёл. Он ждал.

— Не ожидал, что задержишься на аудиенции, — произнёс он своим хриловатым шёпотом. Но он не успел ничего добавить, потому что с другой стороны к Елене подскочила Марфа, хлопнув её по плечу.

— Наконец-то! Я уж думала, тебя Ньютон в свою секту забрал на дополнительные медитации! — воскликнула она, подмигивая. Елена, улыбнувшись в ответ, обернулась, чтобы что-то сказать Юрию.

Его уже не было. На том месте, где он только что стоял, была лишь пустота и слабый запах кожи, быстро растворяющийся в школьном воздухе. Будто он был миражом.

— Странно... — невольно вырвалось у Елены. Она даже оглянулась по сторонам.

— Что странного? — тут же откликнулась Марфа, следуя за её взглядом.

— Да ничего, — отмахнулась Елена, поворачивая комбинацию замка на своём шкафчике. Щёлк. — Просто показалось.

Она открыла железную дверцу, и тут же вопрос Марфы настиг её:

— Так что, Глория продолжает вести себя как королева, которой нахамили? Досаждает? Елена, засовывая учебник на полку, спросила:

— Ты её знаешь?

— Знаю ли! — глаза Марфы сверкнули. — Мы ходили в одну музыкалку. Пока её отчим не пришёл и не выдернул её оттуда, как сорняк. Больше она там не появлялась. Противная, вездесущая выскочка! У неё в голове одна мысль: быть в центре всего и всегда первой. Без вариантов.

— А почему она тогда не к мистери Карнетти записалась? — поинтересовалась Елена. — Если она такая музыкальная.

Марфа заговорщицки понизила голос, оглянувшись по сторонам:

— Слухов много. Но самый жирный говорит, что мистер Карнетти сам лично отказался её брать. Сказал, что талант - не повод для террора. Наши-то преподы все молодые, прошлый год только пришли. Карнетти, Свон и Ньютон. Самый юный - твой, ему всего двадцать, парень-вундеркинд сразу после колледжа. Остальным уже за двадцать. Но это не отменяет главного - они все чертовски красивые! — на последних словах Марфа снова подмигнула, и они обменялись понимающими ухмылками.

Они вышли из школы, и городской воздух, пахнувший приближающимся вечером и выпечкой из соседней пекарни, встретил их. В кафе они взяли по шарикку ванильного мороженого в вафельных стаканчиках и пошли не спеша, сливаясь с неторопливым ритмом маленького городка.

Их путь лежал мимо того самого мрачного, готического собора, чьи шпили всегда будто царапали низкое небо.

— Что это за церковь такая? — спросила Елена, указывая ложкой на тяжёлые дубовые двери.

— Это тебе не просто церквушка! — с гордостью местной жительницы начала Марфа. — Это Кафедральный собор Гранады. Его заложили ещё в XVII веке, чтобы отметить освобождение города. Там внутри, говорят, полотна испанских мастеров, колонны до потолка и алтарь из цельного куска мрамора. А главное, история! В 1492 году наши земли отбили у мавров войска Католических королей. Реконкиста закончилась прямо здесь! И собор - как памятник этой победе. Ну, вроде того. Если я, конечно, в учебнике не всё перепутала, — она смущённо хихикнула.

— Да ты историк! — искренне восхитилась Елена.

— Родилась и выросла тут, всё с детства знаю. Мои предки, наверное, ещё на стройке этого собора камни таскали, — пошутила Марфа. — Родители до сих пор каждое воскресенье на службу ходят.

Они прошли немного молча, наслаждаясь мороженым. Потом Марфа осторожно спросила:

— А вы почему сюда перебрались? Городишко-то маленький, работы особой нет.

— Если честно, мы с мамой просто ткнули пальцем в карту, — призналась Елена с лёгкой улыбкой. — У нас так всегда: мама находит работу — мы переезжаем. Привыкла уже.

— А твой папа? — вопрос вырвался у Марфы нечаянно, и она тут же сморщилась. — Ой, прости, не надо отвечать!

— Ничего, — тихо сказала Елена, глядя на тающий шарик. — Он умер, когда мне было одиннадцать. Они с мамой сильно поругались как раз перед его отъездом... мама до сих пор винит себя. А мне иногда кажется, будто он не уходил. Будто где-то рядом, просто невидимый.

Тишина, опустившаяся между ними, была тёплой и понимающей. Каждая была в своих мыслях. И эту тишину, как ножом, разрезал пронзительный, слащаво-ядовитый голос.

— Ой, смотри-ка, парочка! Две серые мышки-подружки на променаде! Умилительно! — Глория вынырнула из-за угла с двумя своими подружками. Её лицо сияло злорадством.

Елена открыла рот, чтобы парировать, но Марфа была быстрее. Она шагнула вперёд, подняв подбородок.

— Тебе что, Глория, заняться больше нечем? Ходить и гадить всем под ноги? Или тебе напомнить, как в прошлый раз закончился твой «променад» после разговора с мистером Нэреллом?

Имя подействовало как обухом по голове. Вся надменность сползла с лица Глории, сменившись на секунду чистой, животной злобой и... страхом? Она побледнела.

— Рассказывай, шавка! Что хочешь! — выпалила она, но уже без прежней уверенности. И, не дожидаясь ответа, развернулась и почти побежала прочь, увлекая за собой ошеломлённых подружек.

— Вау, — выдохнула Елена. — Я и не знала, что у тебя есть такое секретное оружие. Кто это - мистер Нэрелл?

— Её отчим. Он здесь... очень влиятельный человек. И очень строгий к семейной репутации. Глория его дико боится. Один его взгляд - и она как мышь.

Они уже подходили к знакомому домику с кустами роз, когда Марфа на прощание рассказала ещё одну местную байку - о древнем роде, который якобы держал в окрестных лесах целую колонию прирученных волков.

— Ну, вот и мой новый причал, — Елена указала на дверь.

— Мы почти соседки! Я в том квартале за углом. Ладно, завтра в школе увидимся! Пока! — Марфа махнула рукой и скрылась за поворотом.

Елена вздохнула, повернула ручку и вошла в дом. Тепло и запах свежей выпечки обволокли её. В гостиной, за низким столиком, её мама пила чай в компании незнакомой женщины.

Женщина была длиннолицей и очень худой, словно вырезанной из старого дерева. Её волосы, седые как лунный свет, были собраны в тугий узел. Но больше всего привлекал внимание тонкий, белый шрам, тянувшийся по скуле под левым глазом, будто след от давнего, очень аккуратного удара.

— Наконец-то, солнышко! — лицо матери просияло. Она подтянула Елену к себе на диван. — Знакомься, это наша новая соседка, миссис Болтон. Она живёт прямо напротив и принесла нам на новоселье чудесный вишнёвый пирог собственного приготовления.

— Здравствуйте. Очень приятно. Спасибо за угощение, — вежливо поклонилась Елена.

— Пустяки, милая, — голос у миссис Болтон был суховатым, но не недобрый. — Всегда рада новым лицам. Особенно таким, что способны вдохновлять.

— Вдохновлять? — насторожилась Елена.

— Моего младшенького, — женщина прищурилась, и шрам на её скуле слегка изогнулся. — Я его сто лет не видела за таким занятием. Прибежал со школы, заперся и пишет. Стихи, что ли. Бормочет что-то про новенькую девочку с золотыми волосами и умными глазами. Описал очень... подробно.

— Ой-ой-ой! — мама Елены прикрыла рот рукой, а в её глазах заплясали весёлые огоньки. — Да у нас, выходит, роман завязывается? В первый же день!

— Мама! — застонала Елена, чувствуя, как снова краснеет. — Мы просто соседи по парте. Его зовут Юрий. И всё.

— Ну конечно, просто сосед, — не унималась мать. — У меня тоже когда-то был просто сосед по парте, а теперь вот ты тут.

Миссис Болтон тем временем поднялась, отряхивая крошки с чёрного платья.

— Ну, мне пора, голубчики. Дела ждут. И не забудьте - в воскресенье утром у нас в соборе служба. Наш пастырь, отец Дэвид, - человек редкой души. Переехал к нам несколько лет назад, и с тех пор собор стал... особенным местом. Обязательно загляните. Ну, я побежала!

Когда дверь закрылась за странной соседкой, в комнате повисла пауза. Мама обернулась к Елене, подперев щеку кулаком.

— Нучто, моя девочка, признавайся по-хорошему. Как прошёл первый день? Если по десятибалльной шкале?

— На... на шесть, — выдохнула Елена, глядя в окно. — Не больше.

— Гм. И что же потянуло оценку вниз? Не тот парень? — мамины глаза снова заблестели.

— Да нет же, с парнем всё нормально! — вспыхнула Елена, и тут же поняла, что попалась. — То есть... я хочу сказать...

— Ага, уже и «с парнем всё нормально»! — торжествуя хлопнула мама её по плечу.

— Ладно, не мучайся. Пойдём ужинать, я твою любимую пиццу заказала.

За ужином они почти не разговаривали. Лишь изредка Елена ловила на себе задумчивый, тёплый и немного грустный взгляд матери, которая смотрела на неё и тихо улыбалась, будто видя в ней что-то, пока ещё скрытое от самой Елены.

Глава 4. «Испытание»

Неделя перед отбором пролетела как один сплошной, нервный и вдохновляющий день. Елена и Марфа стали неразлучны. Их ритуалом стало посещение того самого кафе после школы, где за кружкой какао или шариком мороженого они делились всем - от сплетен до серьёзных мыслей. Елена даже представила Марфу маме, и та, к её облегчению, одобрила подругу с первого взгляда, найдя в ней ту самую здоровую, земную искру, которой, по её словам, не хватало её дочери. Юрий же после того урока, где они читали дуэтом с учителем, будто испарился. На общих занятиях его не было, и это странное отсутствие оставляло в душе Елены лёгкий, но навязчивый осадок.

И вот наступила суббота — день отбора.

— Елена, ты скоро? Мы опоздаем! — голос Марфы, полный нетерпения, донёсся из прихожей.

— Почти! Я просто не могу выбрать, что надеть! — отозвалась Елена, в отчаянии разглядывая разбросанные по кровати платья.

— Выбери то синее в мелкий цветочек! — Марфа высунулась в дверь, её глаза лукаво блеснули. — Идеально для деревенской Джульетты!

— В Вероне XV века не было ситца в цветочек! — засмеялась Елена, но всё же взяла в руки именно это платье — простое, скромное, но милое.

— И что? Зато в нём есть шарм. Давай, надевай! Покорим этих судей!

Мама Елены согласилась подвезти их. В машине царило напряжённое молчание, которое Надин наконец нарушила, припарковавшись у школы.

— Послушай, солнышко, — она обернулась на пассажирское сиденье и взяла дочь за руку. Её пальцы были тёплыми и твёрдыми. — Я слышала, как ты репетировала. Ты была... потрясающей. И я говорю это непотому, что я твоя мать. Ты вложила в эти слова душу. А сегодня нужно просто выпустить её наружу. — Она потянула Елену к себе в объятия и прошептала ей на ухо, как когда-то, очень давно, делал её отец: — Ты моя маленькая принцесса. Я всегда с тобой.

Эти слова, словно эхо из самого счастливого детства, отозвались в груди горячей волной. На глаза Елены навернулись предательские слёзы.

— Спасибо, мама, — прошептала она, силясь улыбнуться.

Актный зал школы был переполнен. Воздух гудел от взволнованных голосов участников и их родителей, пахнул пылью со сцены, духами и нервным потом. Все места были заняты, и девушкам пришлось встать у стены у самого входа. Елена чувствовала, как у неё слегка дрожат колени.

На сцену вышла улыбчивая девушка-ведущая и поприветствовала зал:

— Добрый день, дорогие друзья! Сегодня мы определяем, кто из наших талантливых ребят представит наш город на региональном фестивале в Южном Дублине в главных ролях легендарной пьесы! Жюри предстоит непростой выбор. А теперь - встречайте наших судей!

Она начала зачитывать имена. Каждый из членов жюри - почтенные педагоги и деятели искусств из соседних городов - вставали и кланялись под сдержанные аплодисменты. Последним представили мистера Ньютона. Он поднялся со своего стула в первом ряду, и его бело-снежные волосы на мгновение оказались в луче софита.

— Я верю, что сегодня мы услышим не просто заученные тексты, а живые сердца, — произнёс он, и его бархатный голос, без микрофона, заполнил собой весь зал. — Удачи каждому. Но помните: пройдут только те, кто не боится обжечься этим шекспировским огнём.

Его янтарный взгляд медленно скользнул по рядам и на секунду остановился на Елене. Он не улыбнулся. Он лишь едва заметно кивнул, как бы говоря: Я жду. Этого было достаточно, чтобы сердце Елены ушло в пятки, а щёки вспыхнули.

Начались прослушивания. Сначала - Ромео. Несколько ребят выступили достойно, но без искры. И вот на сцену вызвали Юрия.

Ведущая огласила его имя: «Юрий Хайзервиль». Имя повисло в воздухе, и наступила секундная, настороженная пауза. Шёпот, гулявший по залу, стих. Все знали этого парня по слухам: выгнанный из лица, странный, дерзкий.

И тогда он появился. Не из-за кулис, а из тени у самого края сцены, где стояли декорации прошлого спектакля - картонный замок с облупившейся краской. Он вышел не торопясь, словно не на прослушивание, а на осмотр территории. На нём не было его бунтарской кожаной куртки. Он был одет в простой, почти аскетичный чёрный свитер с высоким воротом и тёмные, небрежно закатанные у щиколоток брюки. Эта минималистичная одежда лишь подчеркивала его фактуру: угловатые плечи, резкую линию скул, осанку, в которой читалось не высокомерие, а какая-то внутренняя, сосредоточенная мощь.

Его шаги по деревянному настилу сцены были глухими, тяжёлыми, уверенными. Он не спешил к микрофону. Он подошёл к стойке, обхватил её длинными пальцами и на мгновение замер, оценивая зал. Его взгляд, подведённый чёрным, медленно скользнул по лицам жюри, по рядам зрителей, на секунду задержался на Елене у стены - и прошёл дальше, будто отметив её присутствие, но не придав ему значения. В этом взгляде не было ни вызова, ни просьбы об одобрении. Была полная концентрация, как у хищника перед прыжком или у музыканта перед первой нотой.

Он взял микрофон. Не снял его со стойки, а просто наклонился к нему, оставив его на месте. Это создавало странное ощущение будто он не собирался кричать в него, а намерен был доверить ему шёпот. Он не сделал ни одного лишнего движения. Не переминался с ноги на ногу, не поправил одежду. Он просто вкопался в сцену, став её частью - тёмной, напряжённой, живой.

И начал. Без вступления. Без здравствуйте. Без изменения выражения лица. Первые слова — «Её свет в окне...» — прозвучали тихо, почти интимно, но настолько чётко, что их было слышно в последнем ряду. Голос был не тем хриплым криком, каким он представлялся в классе. Он был низким, бархатисто-грубым, с лёгкой, естественной хрипотцой, в которой чувствовалась не скованность, а глубина, как будто он не спал несколько ночей от любви и тоски.

Он не играл Ромео. Он стал им. Его тело, неподвижное секунду назад, обрело сдержанную пластику. Он не размахивал руками, но каждый жест, легчайший поворот головы в сторону воображаемого балкона, сжатие пальцев в кулак, когда он говорил о «ревнующей луне» был исполнен такой сокрушительной внутренней силы, что казалось, ещё чуть-чуть и картонные декорации рухнут от напора этой энергии.

Когда он произносил: «...убей луну соседством!», его голос взвился на высокой, почти болезненной ноте отчаяния, но тут же сорвался в глухой, горький шёпот. В его глазах, которые теперь все могли видеть крупно, горел настоящий огонь - смесь юношеского максимализма, обречённости и безумной, всепоглощающей нежности. Он смотрел в пустоту над головами зрителей, но все понимали, он видит её. Свою Джульетту. Свою погибель. Своё единственное спасение.

И когда он закончил, он не сделал поклон. Он просто отпустил микрофон, выпрямился во весь рост, и его взгляд снова стал обычным, острым, немного усталым, отстранённым. Он кивнул жюри, коротко и без подобострастия, развернулся и тем же медленным, неспешным шагом ушёл в ту же тень, из которой появился.

На сцене осталось лишь эхо его голоса и вибрирующее напряжение, которое он создал. Тишина, последовавшая за его уходом, была не пустой, а густой, насыщенной, оглушительной.

Он не просто прочитал монолог. Он выпотрошил на сцену кусок своей души, завернув его в шекспировские строки, и заставил всех замереть, боясь спугнуть эту хрупкую, страшную и прекрасную иллюзию. И только потом, с запозданием, зал рухнул в овации, пытаясь сбросить с себя давящее очарование только что увиденного.

Елена, забыв обо всём, хлопала до онемения ладоней. Марфа что-то кричала ей на ухо, но это тонуло в общем гуле. После такого выступления остальные претенденты казались бледными тенями.

Настала очередь Джульетт. Их было много, и жюри разделило сцену пополам, чтобы ускорить процесс. Девушки старались, голосили, заламывали руки, но что-то важное - ту самую хрупкость, смешанную с стальной решимостью, передать не могли. Елену и Глорию вызвали одновременно, но на разные половины сцены.

Имя прозвучало как приговор: «Елена Блес». Оно слилось в воздухе с именем «Глория Нэрелла», но в ушах Елены отдалось отдельно, гулко и пугающе. Марфа подтолкнула её в спину, и это легкое касание стало единственной точкой опоры в мире, который вдруг поплыл.

Она отделилась от стены у входа и пошла по проходу к сцене. Её шаги были мелкими, скованными, будто она шла по тонкому льду, а не по твердому полу. Синее платье в цветочек, казавшееся таким милым дома, теперь ощущалось простоватым, деревенским на фоне элегантных нарядов других участниц. Она чувствовала, как сотни невидимых глаз впиваются в её спину, взвешивают, оценивают. Воздух в зале казался густым и спёртым.

Глория, идущая по параллельному проходу к другой половине сцены, была её полной противоположностью. Каблуки чётко, уверенно отстукивали ритм, поза была прямой, подбородок высоко поднят. Она даже не смотрела по сторонам, она владела пространством.

Елена же, поднимаясь по трём ступенькам на сцену, чуть не споткнулась. Свет софитов ударил в глаза ослепительно-белым, болезненным светом. На мгновение она ослепла, увидев лишь расплывчатые цветные пятна и тёмную бездну зала. Сердце заколотилось где-то в горле, пульс отдавался в висках оглушительной дробью. Она стояла, прикрыв глаза рукой, как крот, выгащенный на солнце, пытаясь найти в этом слепящем хаосе силуэт микрофона.

Он был одиноким, тонким, металлическим стержнем, возвышающимся посреди пустого пространства её половины сцены. Она сделала к нему два неуверенных шага. Деревянные половицы под ногами слегка пружинили и громко скрипели в звенящей тишине. Звук собственных шагов казался ей кощунственно громким.

Она подошла вплотную. Микрофон пах пылью и холодным металлом. Его чёрная головка была направлена на неё, как дуло. Она сжала влажные от пота ладони в кулаки, глубоко, с дрожью вдохнула, пытаясь заглушить комок в горле, и закрыла глаза.

Это был побег. Зажмурившись, она отгородилась от ослепительного света, от безликой массы в зале, от насмешливого взгляда Глории где-то рядом. Внутри, в темноте под веками, остались только слова. Слова, которые она твердила перед зеркалом, шептала ночью в подушку, пропускала через себя, пока они не перестали быть текстом, а стали потоком чувств.

Её первый вздох в микрофон прозвучал как приглушённый стон. Голос, когда он наконец прорвался, был тихим, едва слышным, оборванным от страха.

— А если... эликсир... не подействует...?

Фраза повисла в воздухе, хрупкая и неуверенная. Но в ней уже не было чтения. В ней был настоящий, детский страх перед неизвестностью. Она замолчала, снова вдохнула, и на этот раз вдох был глубже. Она представила не сцену, а свою комнату в полной темноте. Представила бутылочку в руке. И страх стал осязаемым.

— Тогда ведь завтра утром... замуж выдам?

Теперь в её голосе проскользнула горькая, почти истеричная ирония. Она не просто спрашивала. Она отчаянно искала выход, и её голос, всё ещё тихий, приобрёл металлический отте-

нок отчаяния. Она медленно открыла глаза, но смотрела не в зал, а куда-то в пространство перед собой, видя там не судей, а стены ненавистного будущего.

— Нет!

Это слово она выдохнула с такой сокрушительной, тихой силой, что несколько человек в первом ряду непроизвольно вздрогнули. Оно прозвучало не как крик, а как окончательный, бесповоротный приговор, вынесенный самой себе. Её рука инстинктивно сжалась в кулак у бедра - жест, которого не было в режиссёрской партитуре, но который был абсолютно правдив.

— Вот лежит кинжал... он защитит...

Теперь её голос стал шёпотом, полным леденящего ужаса и странного успокоения. Она говорила с оружием как с последним другом. В её глазах, наконец сфокусировавшихся на чём-то реальном, мелькнула трепетная, безумная надежда. Она медленно разжала кулак, и пальцы её слегка задрожали, будто нащупывая рукоять.

— А если это яд? Чтоб избежать позора...

Тут голос снова переменился. В нём появились металлические, ядовитые нотки подозрения и цинизма. Она переводила взгляд с воображаемого кинжала на невидимого монаха, и её лицо искажала гримаса боли и предательства. Она была уже не просто испуганной девочкой. Она была загнанным в угол существом, начинающим видеть подлость мира.

И кульминация пришла на последней строчке. Она выпрямилась во весь свой небольшой рост. Дыхание выровнялось. Страх в её глазах сменился чем-то другим - трагическим знанием, готовностью, почти священным разрешить.

— Но если я умру — никто не будет знать...

Она произнесла это тихо, чисто, с обезоруживающей простотой. В этих словах не было пафоса. Была глубокая, всепоглощающая печаль и странное, горькое облегчение. Она не играла героизм. Она принимала свою судьбу. И в этом принятии было больше подлинной силы, чем во всех пафосных жестах.

Она замолчала. Микрофон больше не гудел. Она просто стояла, опустив руки по швам, глядя в ту точку в пространстве, где только что разворачивалась её личная драма. Свет софитов теперь не слепил, а мягко обволакивал её, делая синее платье и бледное лицо островком хрупкой человечности в море театральной бутафории.

И только тогда, вынырнув из своего кошмара, она робко перевела взгляд в зал. И встретила глазами с Карлом Ньютоном. Он не аплодировал. Он просто смотрел. И в его янтарных глазах не было ни учительской оценки, ни загадочной усмешки. Там было голое, немое потрясение, как у человека, который нечаянно подглядел чужую исповедь. Рядом с ним, в проходе, замер Юрий. Его обычная маска отстранённости треснула. Он смотрел на неё пристально, почти болезненно, будто увидел в этой хрупкой Джульетте что-то, что задело его за живое, что-то настоящее, с чем он не знал, как быть.

Елена медленно, как во сне, поклонилась — неглубоко, скорее смущённо кивнула головой и, почти бесшумно сойдя со сцены, растворилась в объятиях ликующей Марфы, оставив за собой в зале не просто тишину, а тяжелое, глубокое молчание сопереживания, которое было красноречивее любых аплодисментов. Она не победила технически. Она ранила сердца. И это было опасней и важней любого мастерства.

Спустившись с ослепительной высоты сцены в полумрак зала, Елена ощутила, как подкашиваются ноги. Она прислонилась к прохладной стене у кулис, закрыв глаза, пытаясь заглушить гул в ушах - смесь адреналина, стыда и странного, щемящего опустошения. Она выложила всё. И теперь чувствовала себя вывернутой наизнанку, уязвимой и голой перед любым взглядом.

И тут её коснулось это. Не звук. Сначала лёгкое движение воздуха, запах. Запах старых, пыльных переплётков, сухой гвоздики и чего-то неуловимого, ледяного, словно дыхание подземной библиотеки или зимнего леса в безветренную ночь. И лишь потом, прямо за её спиной,

почти у самого уха, прозвучал голос. Бархатный, низкий, намеренно приглушённый, чтобы слышала только она.

— Ниф-Ниф.

От этого детского прозвища, произнесённого с такой интимной серьёзностью, по спине пробежали мурашки. Она вздрогнула, будто её коснулись раскалённым железом.

— Ты превзошла все ожидания. — Он сделал микроскопическую паузу, давая словам проникнуть в самое нутро. — Настоящее мастерство, это не техника. Это когда за безупречной формой... видно, как бьётся живое, ранимое, настоящее сердце. Когда видно содержание, которое страшнее и прекраснее любой маски.

Она медленно обернулась, всё ещё чувствуя дрожь в коленях. Карл Ньютон стоял так близко, что ей пришлось слегка запрокинуть голову, чтобы встретиться с его взглядом. Он не улыбался. Его янтарные глаза, обычно такие загадочные, теперь были прозрачными, почти обнажёнными. В них читалось не преподавательское одобрение, а глубокое, почти шокированное признание. Он смотрел на неё не как на ученицу, а как на равного, на того, кто только что раскрыл ему какую-то свою тайну.

— С-спасибо, мистер Ньютон, — прошептала она, и её собственный голос показался ей писклявым и глупым.

Он мягко, почти неслышно, вздохнул.

— Карл, — поправил он, и в его голосе впервые прозвучала лёгкая, едва уловимая усталость, сбрасывающая маску непогрешимости. — Здесь, в этой тишине после твоего монолога, для тебя я просто Карл. Мне всего двадцать, Елена. Я не седовласый мудрец и не недоступный идол. Я всего на два года старше тебя. Просто... раньше начал.

Он бросил короткий, деловой взгляд на сцену, где уже настраивался микрофон для следующей участницы. Его лицо снова стало сосредоточенным, но в уголке глаза оставалась та же тёплая, понимающая искра.

— Мне нужно возвращаться к жюри. Но запомни. Запомни этот холод в груди, эту дрожь в руках, эту пустоту после. Запомни, как ты стояла там, голая перед всеми, и это было сильнее любого пафоса. Это чувство - твой единственный и главный козырь. Не теряй его. Спрячь поглубже и береги.

Он не стал ждать ответа. Легко коснулся её плеча мимолётное, обжигающее холодом прикосновение и растворился в темноте за кулисами, направляясь к своему месту в первом ряду, чтобы снова стать мистером Ньютоном, беспристрастным судьёй.

Елена осталась стоять, всё ещё чувствуя на коже холод его пальцев и запах зимнего леса. Её размышления прервал шквал к ней бросилась Марфа, сияющая, с глазами, полными слёз.

— Ты слышала эту тишину?! — зашептала она, хватая Елену за руки и тряся их. — Ты их убила! Просто наповал! Я видела лица! Он... Ньютон... он смотрел на тебя, как...

— Не надо, — перебила её Елена, слабо улыбаясь. — Давай просто сядем.

Они просидели до конца, но Елена уже почти ничего не слышала. Каждое следующее выступление казалось ей громким, театральным, пустым. Девочки кричали, рыдали, падали на колени, но это была игра. У них не было того тихого, леденящего душу ужаса, той внутренней катастрофы, которую она, сама того не желая, вынесла на свет. И с каждой новой участницей её странная, болезненная уверенность крепла. У неё был шанс. Не благодаря мастерству, а вопреки всему благодаря этой душевной прорехе, которую она не сумела скрыть.

Когда последние аплодисменты стихли и жюри удалилось совещаться, напряжение в зале стало физически ощутимым, густым, как кисель. Елена сжала руки на коленях, чтобы они не дрожали.

И тут сзади, прямо над её ухом, раздался другой голос. Хрипловатый, знакомый, лишённый теперь всякой театральности.

— Ну что, солдат? Ещё на плаву? — спросил Юрий.

Она обернулась. Он сидел на стуле сзади, перекинув руки через спинку. Его лицо было бледным, а под глазами, под смытым или стёршимся чёрным карандашом, виднелись тёмные тени усталости. Но в глазах горел живой, нескрываемый интерес.

— Еле-еле, — выдохнула она, пытаясь улыбнуться. — А ты... ты был неподражаем. Я думала, ты сейчас сожжёшь сцену одним взглядом.

— В этом зале, пожалуй, — он пожал одним плечом, и в этом жесте была какая-то горькая самоирония. — В других вопросах... не очень. — Его взгляд перешёл на Марфу, которая с любопытством разглядывала его. — А это твой личный фан-клуб?

— Марфа, — представила Елена. — Моя лучшая, и пока что единственная, подруга здесь.

— Марфа Виштырман, — девушка твёрдо протянула руку, её взгляд был оценивающим, но открытым. — Я тебя знаю. Ты ведь из того лица на холме? Из «Белой Башни»?

Вопрос повис в воздухе. Юрий замер. Ненадолго всего на долю секунды, но этого было достаточно, чтобы увидеть, как в его глазах вспыхивает и тут же гаснет что-то острое, болезненное - смесь ярости, стыда и предостережения. Он взял себя в руки с видимым усилием.

— Был, — коротко бросил он, и его голос стал на полтона ниже и суше. — Но это закрытая тема. Не для... красивых ушей. — Он намеренно бросил взгляд на её аккуратные ногти и скромные серёжки, подчёркивая пропасть между их мирами.

Помявшись, он снова обратился к Елене, и в его тоне появилась натянутая лёгкость.

— Слушай, а давай после всей этой вакханалии куда-нибудь рванём? В кино, например. Отметим наше потенциальное триумфальное шествие. Или похороны. В зависимости от результата.

— В нашем-то кинотеатре? — фыркнула Марфа, сморщив нос. — Там же вечно торчит сомнительная публика. Скучно, да и небезопасно.

— Ого, — медленно, с преувеличенным интересом протянул Юрий, приподняв одну бровь. — И ты меня уже в эту сомнительную публику записала? После одного прослушивания? Жёстко.

Елена видела, как между ними пробегают невидимые искры не враждебные, а скорее испытующие. Она уже хотела что-то сказать, чтобы сгладить, но в этот момент на сцене зашевелились.

— Ребята, тише! — шикнула она, указывая пальцем.

Жюри возвращалось. Лица у судей были непроницаемыми, но в их медленных, торжественных шагах читалась тяжесть принятого решения. Воздух в зале сгустился до предела, вытеснив всё и лёгкий флирт, и воспоминания о лицах, и запах зимнего леса. Оставалось только ждать приговора.

Шествие жюри обратно на сцену напоминало траурную процессию. Они двигались медленно, почти церемониально, и тяжесть их решения, казалось, давила не только на них, но и на весь зал. Председатель, старик с аккуратной седой бородкой, похожей на клочок зимнего облака, держал в руках бумагу, но не смотрел на неё. Его глаза, усталые и пронизательные, обводили зал, заставляя каждого почувствовать себя на месте подсудимого.

Тишина стала абсолютной, густой, как смола. Елена перестала дышать. Юрий за её спиной замер, и она почувствовала, как его напряжённое внимание стало почти осязаемым.

— Роль Ромео, — голос старика был сухим и безэмоциональным, словно он зачитывал приговор, — после недолгого обсуждения присуждена единогласно. Юрий Хайзервиль.

В зале вырвался сдержанный, но единодушный вздох облегчения и признания. Это был единственный очевидный выбор. Юрий, сидевший сзади, не изменился в лице. Он лишь коротко, почти незаметно кивнул, подняв подбородок. Не было в нём ни тени торжества, лишь усталое подтверждение факта, будто он и сам давно знал эту развязку.

«Как будто он не сомневался. Или просто не придавал этому значения?», — пронеслось в голове у Елены.

Председатель сделал паузу, и эта пауза затянулась мучительно долго. Он поправил очки, переложил бумагу из руки в руку, и на его лице отразилась искренняя досада.

— С ролью Джульетты... — он начал и снова замолчал, покашливая. — Ситуация оказалась более... деликатной. Голоса членов жюри разделились поровну. Поэтому мы не можем объявить победительницу сегодня.

По залу прокатился шёпот недоумения и разочарования. Елена почувствовала, как у неё холодеют кончики пальцев.

— Финальное решение будет принято через неделю, — продолжал старик, повышая голос, чтобы перекрыть шум. — За это время обе финалистки — Глория Нэрелла и Елена Блес должны будут пройти интенсивную подготовку под руководством нашего консультанта, мистера Ньютона. Ровно через семь дней мы вернёмся для финального просмотра и определим, кто из них достоин стать Джульеттой на сцене театра «Глобус».

Взрыв. Зал взорвался гулом голосов, шелестом одежды, скрипом кресел. Решение было неожиданным, спорным, оно продлеvalo агонию. Елена сидела, не двигаясь, пытаясь осмыслить услышанное: «Финалистка». Не победа. Не поражение. Продолжение битвы.

И тут её взгляд поймал другой. Из первого ряда, медленно и грациозно, как королева, поднималась Глория. Она обернулась, и её глаза, холодные, как агаты, нашли Елену сквозь толпу. На её губах играла не улыбка, а оскал торжествующей ненависти. В этом взгляде читалось всё: «Ты — помеха. Ты — случайность. Но победа всё равно будет моей, потому что так должно быть». Она повернулась и гордо пошла к выходу, даже не сомневаясь, что все дороги ведут к её успеху.

Постепенно зал опустел, оставив лишь горстку людей у сцены. Члены жюри, пожимая руки Карлу Ньютоу, что-то наставляли его, кивая в сторону девушек. Потом и они ушли, и в внезапно опустевшем, залитом теперь лишь аварийным светом зале остались они трое: Елена, Юрий и Карл, а также Глория, которая, казалось, только ждала этого момента.

Она подошла к мистеру Ньютоу бесшумно, на кошачьих лапах. Её рука, с идеальным маникюром, легла ему на плечо со слащавой, претендующей на интимность небрежностью.

— Ну что, Карл, — её голос стал медовым, искусственно томным, но громкость она рассчитала точно, чтобы Елена услышала каждый слог. — Пора начинать наши особые, индивидуальные репетиции? Я уже подготовила несколько трактовок...

Елена почувствовала, как в груди что-то резко и болезненно сжимается, будто невидимая рука сдавила сердце. Карл не отпрянул сразу. Сначала он просто взглянул на руку на своём плече, как на неожиданно приземлившееся насекомое. Потом, движением медленным, но не допускающим возражений, он снял её.

— Глория, — его голос был тихим, ровным, но в нём зазвенел лёд. — Твоё место в этом проекте сейчас висит на волоске. Оно зависит не от «трактовок», а от дисциплины и профессионального отношения. Уясни это раз и навсегда.

Глория фыркнула, но в её глазах мелькнула злость. Она отыгралась на Елене, повернувшись к ней и бросив фразу громко, на весь зал:

— Чего уставилась, провинциалка? Ревнуешь? — Она сладко улыбнулась. — Не трать силы. Мы с Карлом встречаемся. Это выше твоего понимания.

И тогда она совершила ошибку. Она снова протянула руку, уже чтобы провести пальцами по его щеке — жест собственницы, жест победы.

Это было слишком. Рука Карла вспыхнула в движении, быстром и резком. Он схватил её за запястье, не сжимая сильно, но так, что её пальцы дёрнулись, а на идеальной коже сразу проступили белые пятна от давления. Он притянул её руку к себе, заставив наклониться, и его лицо оказалось в сантиметрах от её.

— Хватит. — Это было уже не предупреждение. Это был тихий, свистящий ультиматум. Его янтарные глаза, обычно такие загадочные, теперь полыхали холодным, нечеловеческим гневом. — Последнее. Предупреждение. Следующий шаг и ты вылетаешь из проекта без права на апелляцию. Поняла?

Он отпустил её запястье, будто отбрасывая что-то грязное. Глория, побледневшая, с расширенными от ярости и шока зрачками, молча потеревшила покрасневшую кожу. Она больше не смотрела на Елену. Весь её гнев теперь был направлен на Карла, но она была достаточно умна, чтобы понять играть с ним опасно.

В этот момент Елена почувствовала лёгкое касание своего локтя.

— Елена, пошли, — тихо, но настойчиво сказал Юрий. Его пальцы были твёрдыми и тёплыми. — Нам тоже есть что обсудить. Работу.

Она, ошеломлённая, почти онемевшая от увиденной сцены, позволила ему увести себя из зала. В ушах гудел один и тот же вопрос, навязчивый и противный: «Они встречаются? Это правда? Но тогда почему он так с ней? Или это игра? Или...» Мысли путались, создавая мучительный хаос.

Он привёл её в пустой класс для репетиций, тот самый, где они уже бывали. Закрыв дверь, он отсек гулу из зала. Здесь было тихо, пахло мелом и пылью. Юрий подошёл к столу, достал из своего рюкзака бутылку воды и протянул ей.

— Выпей. Ты белая как эта стена.

Елена машинально взяла бутылку, но не открыла. Она смотрела на него. Его лицо было серьёзным, без обычной насмешливой маски. В глазах читалась не жалость, а понимание и что-то вроде усталой досады.

— Ты в порядке? — спросил он ещё раз, мягче.

— Я... не знаю, — честно выдохнула она.

— Забей. На её игры. — Он сел на край учительского стола, скрестив руки. — Она всем морочит голову. Ей нужна власть, внимание, ощущение, что всё крутится вокруг неё. И если не получается через талант, получит через сплетни и интриги. Не ведись.

Елена качнула головой, пытаясь стряхнуть оцепенение.

— Я... я в порядке. Ты прав. Давай... давай работать. Нам же нужно репетировать дуэт, раз уж мы оба прошли.

Юрий кивнул, слез со стола. Но прежде, чем начать, он посмотрел на неё пристально, как будто видел не только её смятение, но и тень тех самых слов: Они встречаются?

— Просто помни, — сказал он тихо. — В этом театре не всё, что выглядит как сцена, является игрой. И не всякая искренность — правда. Держи дистанцию.

Юрий кивнул, но это был не обычный кивок согласия. Это был кивок вхождения в роль, словно он нажимал невидимую кнопку переключения. Он отступил на два шага, и пространство между ними наполнилось вибрирующим ожиданием.

И вдруг — преображение. Это было не просто изменение выражения лица. Это было полное перерождение. Напряжение, всегда живущее в его плечах и спине, растворилось, сменившись мягкой, печальной грацией. Его взгляд, обычно острый и насмешливый, стал мечтательным, устремлённым в невидимую даль, полным такой щемящей тоски, что у Елены перехватило дыхание. Он уже не был Юрием. Он был Ромео не шекспировским мальчиком в бархате, а своим, современным, израненным и бесконечно одиноким. И он смотрел на неё сквозь время и пространство, видя в ней не Елену, а свою потерянную, невозможную Джульетту.

Он не стал читать Шекспира. Вместо этого из его груди вырвались собственные, сырые, будто только что родившиеся строки. Голос стал низким, шершавым от сдерживаемых эмоций, доверительным до мурашек.

— О, Джульетта... не имя, а вздох...

Моя тишина в этом вечном грохоте.
Без твоего смеха мир скукожился, стал плоским,
И солнце встаёт пеплом, а не зарей.
Мы обречены. Я знаю. С самого начала.
Но разве это важно, когда между нами
Вспыхивает эта... молния? Она жжёт законы дотла.
Она рвёт все цепи. Даже те, что внутри.
Она ведёт сквозь тьму, где не врут зеркала...
Джувьетта... просто дай мне руку. И бежим. Прямо сейчас. Отсюда.

Он не декламировал. Он исповедовался. Каждое слово было выстрадано, выжжено изнутри. Он приблизился. Не резко, а неотвратно, как прилив. Воздух в комнате стал густым, тяжёлым, насыщенным невысказанным. Елена, замороженная, парализованная искренностью этого спектакля, не могла пошевелиться. Она была поймана в силовое поле его игры, которая перестала быть игрой.

Он взял её руки. Её пальцы были ледяными, безжизненными. Его ладони обжигают горячими, сухими, чуть шершавыми. Контраст был шокирующим. Она чувствовала ритм его пульса, отдававшийся в её запястьях, слышала его прерывистое дыхание и оглушительную какофонию собственного сердца. Его лицо приближалось. В его глазах, так близко, она видела не расчёт, а настоящую, неистовую мольбу и боль. Его губы были уже так близко, что она чувствовала исходящее от них тепло...

Удар. Не звук, а взрыв. Дверь в класс с грохотом распахнулась, ударившись о стену. В проёме, залитый светом из коридора, стоял Карл Ньютон. Он не входил. Он замер на пороге, и его фигура отбрасывала длинную, угрожающую тень. Его взгляд холодный, острый, аналитический как скальпель скользнул по её растерянному, разгорячённому лицу, опустился на её руки, всё ещё зажатые в ладонях Юрия, и застыл там. В воздухе запахло озоном после грозы и ледяным гневом.

— Надеюсь, я не помешал репетиции? — его голос был идеально ровным, почти механическим, но каждый слог был отточен, как лезвие, и звенел скрытой сталью.

Юрий не вздрогнул. Не отпрянул. Он медленно, с преувеличенной почти театральной неспешностью разжал пальцы, освобождая её руки, и сделал шаг назад, восстанавливая дистанцию. На его лице снова была маска слегка насмешливая, отстранённая.

— Всё по тексту, мистер Ньютон, — парировал он, и в его голосе зазвучала лёгкая, вызывающая хрипотца. — Ромео должен быть... убедительным. Чтобы зритель поверил.

— Без сомнения, — отрезал Карл, не меняя интонации. Его янтарные глаза теперь были прикованы только к Юрию. — Юрий, оставь нас. Мне необходимо обсудить с Еленой её роль. Наедине. Последнее слово он произнёс с особой, не оставляющей сомнений весомостью.

Юрий задержал взгляд на Елене. Его глаза задавали безмолвный вопрос: «Тебя оставить? С ним?» В них читалась не ревность, а настороженность, почти предостережение. Елена, всё ещё неспособная к связной мысли, слабо кивнула. Он задержался на секунду дольше, чем нужно, затем резко развернулся и вышел, на прощание бросив на Карла тяжёлый, непроницаемый взгляд, полный немого вызова. Дверь закрылась с тихим, но окончательным щелчком.

Тишина, воцарившаяся после его ухода, была иной. Не творческой, а тяжёлой, гнетущей. Карл сделал несколько шагов вглубь комнаты, но не сел. Он казался внезапно выбитым из колеи, почти растерянным. Его безупречная осанка слегка сломалась, пальцы нервно перебирали складки смокинга.

— Елена, — начал он, и его бархатный голос впервые зазвучал сбивчиво, с трудом подбирая слова. — То, что было в зале... с Глорией. Ты не должна... ты не должна это воспринимать всерьёз. Это не то, чем кажется. Это... — он замолчал, проведя рукой по белоснежным волосам. — Это сложная, личная ситуация, в которую я втянут. Я хотел бы объяснить. Дай

мне этот шанс. Позволь отвезти тебя домой. Мы можем заехать в тихое место, поговорить... без этих стен, без этих масок.

И тогда он совершил невероятный, сбивающий с толку жест. Он быстро, почти порывисто закрыл расстояние между ними, взял её руку ту самую, что только что держал Юрий и прижал её ладонь ко своему лбу. Его кожа была шокирующе, противоестественно холодной, как мрамор в склепе. От этого контраста - после жара рук Юрия по всему телу Елены пробежали мелкие, ледяные мурашки. В этом жесте не было учительского превосходства или расчётливого флирта. В нём была отчаянная, почти детская мольба о доверии, которая испугала её больше, чем любая агрессия.

— Мистер Ньютон, пожалуйста... — она попыталась осторожно, но настойчиво высвободить руку. Её голос дрогнул.

— Просто Карл! — в его восклицании прозвучала неприкрытая, хрипкая боль, словно она отказывала ему не в поездке, а в глотке воздуха. — Здесь, сейчас, я для тебя не учитель! Я...

— Карл, — перебила она его, набираясь решимости. — Я уже дала слово Юрию. Мы идём в кино. Я не могу его подвести. Это было бы... нечестно.

Его лицо исказилось. Красивые, выразительные черты на мгновение скривила гримаса, в которой смешались ревность, горькая обида и беззащитность. Он отпустил её руку, словно она стала раскалённой, и его взгляд потух, стал пустым и отдалённым.

— Кино... — он повторил слово без интонации, как что-то чужое и непонятное. — Да. Конечно. Я понимаю. Тогда... до понедельника. На занятиях.

Он вышел, не оглядываясь, и его уход был столь же бесшумным, сколь и болезненным. Елена осталась одна в классе, опираясь о край стола. В голове стоял невыносимый гул: почти-поцелуй, ледяной лоб, горячие ладони, «мы встречаемся», «просто Карл» ...

Не прошло и минуты, как дверь снова приоткрылась. Вошёл Юрий. Он не спрашивал, что случилось. Он просто оценивающе посмотрел на неё, и в его глазах она прочитала понимание.

— Всё нормально? Он ничего... не перешёл границы? — спросил он тихо, но чётко.

— Всё... всё в порядке, — соврала она, отводя взгляд. — Просто... я так устала. И насчёт кино... прости, я не смогу. Мама волнуется, да и голова раскалывается. Может, в другой раз?

Он долго смотрел на неё, читая правду между строк её усталого лица и избегающего взгляда. Потом просто кивнул, приняв её отказ без возражений.

— Конечно. Не извиняйся. Но я хотя бы провожу тебя. На улице уже темно, и ты выглядишь так, будто готова рухнуть.

Они шли по опустевшим вечерним улицам Гранады. Разговор был вынужденно лёгким, натянутым. Они говорили о сложностях текста, о возможных декорациях, о глупости жюри о чём угодно, только не о том, что произошло в классе. Напряжение между ними, однако, не исчезло. Оно преобразилось из творческого заряда в тяжёлое, неловкое молчание, изредка прерываемое фразами.

У калитки её дома Юрий внезапно остановился, прервав поток ничего не значащих слов.

— Слушай, — сказал он, и его голос снова стал серьёзным, лишённым всякой игривости. — Будь осторожна. Я говорю не о себе. А о... всём этом. — Он жестом обозначил пространство вокруг, включая школу, отбор, взрослых. — Театр- опасная штука. Он стирает границы между правдой и вымыслом, между ролью и личностью. Люди начинают верить в свои же маски. Не дай себя сбить с толку. Не запутайся в чужих сценариях.

Прежде чем она успела что-то ответить, понять или спросить, что он имеет в виду, он стремительно наклонился. Его движение было быстрым, но не грубым. Он чмокнул её в щёку не в уголок губ, а именно в щёку, мягко, тепло, почти по-братски, но в этой быстроте была какая-то странная нежность. Его губы были мягкими и на удивление тёплыми, и этот контраст с ледяным прикосновением Карла снова сбил её с толку.

— Спокойной ночи — бросил он уже на бегу, разворачиваясь и пускаясь почти бегом в обратную сторону, будто стыдясь этого момента или спеша скрыться от возможных вопросов. Он растворился в сгущающихся сумерках, оставив её стоять у калитки с горячей щекой и кашей в голове.

Дом встретил её звенящей, пугающей тишиной. Записка от мамы на тумбочке. Холодная пицца. Механические действия. Поднявшись в свою комнату, она машинально потянулась к шторам. И замерла.

Ледяная волна прокатилась от макушки до пят. Всё сложилось в единую, оглушительную картину. Миссис Болтон. Её странный визит. «Мой младшенький». «Вдохновил». Его внезапные исчезновения. Её сосед. Карл жил прямо напротив.

Елена отшатнулась от окна, будто от удара током. Спина ударилась о край кровати, и она почти рухнула на неё.

В окне дома миссис Болтон, залитый жёлтым светом лампы, стоял Карл Ньютон. Не мистер Ньютон в безупречном смокинге, а Карл, уставший, беззащитный. Его белоснежные волосы были растрёпаны, он был без рубашки, в одних тёмных домашних штанах. Бледная кожа его торса в свете лампы отливала мраморной белизной, и на ней проступали странные, тонкие, как паутина, серебристые шрамы отметины, которых не должно быть у человека. Он что-то яростно доказывал по телефону, жестикулируя свободной рукой. Его лицо, обычно спокойное и загадочное, было искажено гневом и отчаянием.

Потом он резко оборвал разговор, швырнул телефон на кровать и... внезапно замолк. Еговзгляд, полный внутренней бури, медленно поднялся и уперся прямо в её тёмное окно. Он не мог её видеть в темноте её комнаты, но стоял так, будто чувствовал её присутствие, будто знал, что она там, наблюдает. Его янтарные глаза в свете его же комнаты горели странным, смешанным огнём: болью, предупреждением и чем-то голодным, тоскующим.

Елена сглотнула комок страха. Её учитель. Её сосед. Он жил в двадцати метрах от неё, и эта дистанция теперь казалась опасной, зловещей проклятием. Она дернула шнур, и тяжёлая портьера с грохотом защёлкнулась, отрезав этот невыносимый вид. Сердце колотилось где-то в горле. Граната, казалось, сжалась вокруг неё в тесную, душную клетку.

Она повалилась на кровать, но сон не шёл. Перед глазами стояли картинки: почти-поцелуй Юрия, ледяные пальцы Карла на её руке, его шёпот: «Просто Карл...», и теперь этот взгляд из окна пронзительный, требующий, полный нечеловеческой тоски. Он был повсюду. В школе. Напротив её окна. В её мыслях.

Засыпая под утро в нервном изнеможении, её последним осознанным ощущением был глухой звук двигателя, стихший где-то совсем рядом, за стеной её дома.

Глава 5. «Исповедь тифлинга»

Её разбудило солнце, бившее в лицо сквозь незакрытую щель в шторах. Сознание вернулось медленно, а с ним - тяжёлый груз вчерашних открытий. Она лежала, не двигаясь, прислушиваясь к утренней тишине своего нового дома. И сквозь эту тишину пробился звук негромкий, ритмичный, металлический. Скребущий, шипящий звук заточки.

Он доносился со двора. Не с её двора. Соседнего.

Елена подкралась к окну и осторожно раздвинула шторы на сантиметр. Во дворе дома миссис Болтон, на каменной ступеньке крыльца, сидел Карл. На нём были простые рабочие брюки и старая серая футболка, запачканная чем-то тёмным. В его руках был длинный, изящный садовый секатор, и он методично, с сосредоточенным видом хирурга, затачивал его лезвие о точильный брусок. Каждое движение было точным, выверенным. Солнце играло на стальном лезвии и на его белых, заправленных за уши волосах. Он выглядел абсолютно обыденно и от этого ещё более пугающе. Это был тот же человек, что вчера отчаянно жестикулировал у окна. Тот же, чьи пальцы были ледяными. Тот же, что смотрел на неё в классе с немым обожанием.

И тут, будто почувствовав её взгляд, он поднял голову. Не резко. Медленно. И его янтарные глаза, прищуренные от утреннего солнца, нашли её в щели между шторами. Он не улыбнулся. Не кивнул. Он просто смотрел. И в этом взгляде не было ни смущения, ни удивления. Было тихое, почти грустное понимание — да, я здесь. Я твой сосед. И ты это знаешь.

Елена снова отпрянула, прижавшись спиной к стене. Звук заточки прекратился. Воцарилась тишина, ещё более зловещая.

Её спас от дальнейших размышлений голос матери снизу:

— Елена, вставай! Через полчаса едем в собор!

Елена, чувствуя тяжёлое предчувствие, с трудом выбрала одежду, простой белый льняной сарафан до пола, который делал её похожей на призрак.

Переступив порог собора, Елену обдало не прохладой, а тяжёлым, спёртым теплом, словно внутри дышал огромный, спящий зверь. Воздух был густым, сладковато-приторным от ладана, смешанным с запахом воска, старого дерева и чего-то ещё едва уловимого, затхлого, как в плохо проветриваемом склепе. Неяркий свет, пробивавшийся через витражные окна, окрашивал всё в тревожные багровые и синие тона, а не в золото, как в обычных церквях.

Звук был особым не просто молитвы, а низкий, гулкий гомон, похожий на рой пчёл. Казалось, сами древние каменные стены вторили словам пастыря, усиливая их и делая неотразимыми. Елена с мамой пробрались на свободную скамью позади высокого мужчины в чёрном плаще. Сидеть было неудобно, дерево под ногами скрипело при малейшем движении.

И тогда на кафедре поднялся пастырь Дэвид. Его появление не сопровождалось ни музыкой, ни торжественным шествием. Он просто возник там, будто материализовался из тени. Его чёрный китель был лишён каких-либо украшений, он сидел на нём слишком идеально, как вторая кожа, подчёркивая худощавую, аскетичную фигуру. Каштановые волосы, уложенные с безупречной геометрической точностью, казались неестественно неподвижными. Но больше всего пугало лицо.

Его черты были правильными, даже красивыми, но лишёнными жизни, как у античной статуи. А глаза... Карие, глубоко посаженные глаза медленно, с нечеловеческим спокойствием обводили зал. В них не было ни доброты пастыря, ниогня проповедника. Был холодный, аналитический расчёт, как у учёного, рассматривающего подопытных в лаборатории. И в них полностью отсутствовала та самая «искра» - отражение души, эмпатии, простого человеческого тепла.

Когда он заговорил, его голос оказался совершенным инструментом. Он был негромким, ровным, бархатно-глубоким, и каждое слово, казалось, не просто доносилось до ушей, а внед-

рялось прямо в сознание, обходя защиту разума. Он говорил о покое, но его покой напоминал вечный сон. Он призывал к смирению, но в его трактовке это было полное отречение от воли. Он говорил о доверии высшей силе, и под его гипнотическим напором эта сила ассоциировалась только с ним, с его волей, с этим каменным залом.

Елена чувствовала, как её сознание начинает сопротивляться. Чем дольше она смотрела на него, тем сильнее в её солнечном сплетении сжимался холодный, липкий ком страха. Это был не рациональный страх, а древний, животный инстинкт - инстинкт жертвы, почуявшей взгляд хищника. И ей начало казаться, что этот взгляд постоянно возвращается к ней. Не скользит мимо, а именно цепляется. Он ощупывал её взглядом, изучал каждую деталь, будто пытался прочитать что-то за её глазами, будто видел в ней не испуганную девочку, а интересный аномальный объект, не вписывающийся в его безупречную картину мира.

Она попыталась найти поддержку вокруг. И застыла в ужасе. Люди в зале сидели абсолютно неподвижно. Их лица были обращены к кафедре с одинаковыми, застывшими полуулыбками, глаза широко раскрыты, но взгляд был пустым, направленным куда-то внутрь себя. Они не перешёптывались, не кашляли, не ёрзали. Они были поглощены, растворены в этом голосе, как будто их индивидуальность стиралась, превращаясь в часть единого, послушного организма.

И самое страшное ждало её рядом. Она осторожно повернула голову к матери. Надин Гурелла, её всегда весёлая, прагматичная, немного циничная мама, сидела с выражением безоговорочного, почти экстатического обожания на лице. Её губы были слегка приоткрыты, глаза сияли стеклянным блеском, полным слепого доверия. Она не замечала дочь, не замечала ничего вокруг. Она была полностью захвачена, заморожена. И в этой потере самой себя, в этом добровольном отказе от критического мышления Елена увидела нечто куда более страшное, чем открытая угроза. Она увидела тихое, методичное зомбирование. Собор был не местом молитвы, а лабораторией по обработке сознания, а пастырь Дэвид - её бездушным, блестящим оператором. И она, похоже, была единственной, кто ещё сохранял способность чувствовать этот леденящий ужас.

Тихий шёпот «Мама?» был похож на крик в гробовой тишине зала. Елена сама вздрогнула от звука собственного голоса, такого хрупкого и чужеродного в этой густой, пропитанной гипнозом атмосфере.

Надин Гурелла даже не повернула голову. Её губы, всё ещё растянутые в той же блаженной полуулыбке, лишь едва сомкнулись, чтобы издать короткое, резкое «Тссс!». Это был не привычный материнский шик, а механический, почти шипящий звук, полный раздражения на помеху. Её глаза, пустые и сияющие, были прикованы к фигуре на кафедре, будто связаны с ним невидимыми нитями. В этом жесте не было узнаваемой мамы — было существо, полностью поглощённое чужим влиянием.

Елене стало физически дурно. Воздух, густой от ладана, будто превратился в сироп, которым невозможно дышать. Каждая секунда растягивалась в мучительную вечность. Когда пастырь наконец произнёс последнее «аминь», и зал замер в ожидании его ухода, Елена взорвалась с места. Её движение было настолько резким, что деревянная скамья громко скрипнула, нарушая церемониальную тишину. На неё обернулись несколько пар пустых глаз, но она уже не обращала внимания.

Она почти бежала по проходу, чувствуя, как тяжёлый, сладкий воздух сменяется на подходе к дверям стружкой прохлады. Вырвавшись наружу, она прислонилась к грубой каменной стене собора, жадно глотая свежий, почти колющий от холода воздух, как утопающий. Солнце светило ярко, но внутри всё ещё дрожал холод.

Через несколько минут вышла мама. Её походка была непривычно плавной, а лицо всё так же светилось странным, внутренним сиянием, будто она приняла сильнодействующее лекарство.

— Дорогая, — её голос звучал неестественно мелодично, — нужно подойти, поздороваться с пастырем. Он так ждёт новых лиц в нашей общине.

Елена взглянула на протянутую руку с ключами. Вместо того чтобы взять их, она резко выхватила связку из материнских пальцев.

— Я подожду в машине, — бросила она отрывисто, не в силах больше сдерживать дрожь, и, не дожидаясь ответа, почти побежала к стоянке.

Салон машины пахло привычно кожей и освежителем. Это был её островок нормальности. Она уткнулась в книгу, но буквы прыгали перед глазами, складываясь в лицо пастыря Дэвида с его бездонными, холодными глазами.

Стук. Негромкий, но отчётливый. По стеклу пассажирской двери.

Елена вздрогнула и подняла голову. За стеклом, слегка наклонившись, стоял Юрий. На нём была серая, потрёпанная толстовка с капюшоном, накинутым на голову. В этом простом виде он казался более реальным, более человеческим, чем всё, что она только что видела. Но его глаза под капюшоном смотрели пристально, оценивающе.

Она опустила стекло.

— Откуда ты? — её голос прозвучал хрипло.

— Был внутри, — он кивнул в сторону собора. — В самом дальнем углу. Люблю наблюдать за... процессом. Ну как, впечатляет наш пастырь? — в его вопросе сквозила не просто ирония, а глубоко запрятанная, горькая усмешка.

— Честно? — Елена выдохнула, позволив себе быть откровенной. — Мне было страшно. Там что-то... не так. И он... он всё время смотрел на меня. Будто знал, что я приду. Или будто... что-то во мне искал.

Юрий на секунду замер. Его взгляд стал серьёзнее, тень усмешки исчезла.

— Пастырь Дэвид - мой дядя. Я живу в его доме, — сказал он ровно, как констатируя погоду. — Что касается взглядов... Он умеет видеть людей. Особенно тех, кто... выделяется. Но, может, тебе показалось. Новые лица всегда привлекают внимание в таком замкнутом мире.

Его объяснение звучало логично, но в тоне было что-то уклончивое, какая-то недоговорённость, которая только усилила её тревогу.

В этот момент из тяжёлых дубовых дверей собора вышла её мама. Она обернулась, и на её лице расцвела сияющая, почти девичья улыбка, направленная вглубь храма, туда, где, должно быть, оставался пастырь. Этот взгляд, полный слепого обожания, был леденящим. Она помахала рукой в пустоту и только потом направилась к машине.

— Ладно, мне пора, — быстро сказал Юрий, словно не желая быть замеченным. — Увидимся на репетиции. И... — он заколебался, — береги себя, Елена.

Он легко оттолкнулся от машины и растворился между припаркованными автомобилями, как тень, оставив её наедине с возвращающейся матерью, чьё лицо всё ещё несло на себе отблеск того странного, гипнотического света из собора. Контраст между его простой толстовкой и этим сиянием был настолько разительным, что мир вокруг Елены снова раскололся на «до» и «после» этой злополучной службы.

Мама села за руль, и её улыбка не сходила с лица всю дорогу.

— Ты глупо себя вела, — заметила она, но без обычной строгости, словно находясь в каком-то приятном тумане. — Пастырь Дэвид был расстроен, что ты не подошла.

— А я рада, что не подошла, — отрезала Елена.

— Тебене хватает смирения. Кстати, Дэвид... — она произнесла имя без титула, с непривычной лёгкостью, — предложил рассмотреть для тебя прекрасную школу-интернат. «Ордефлейк». У неё блестящие рекомендации. Нужно только собрать документы.

У Елены похолодело внутри. «Она снова собирается всё сломать, как только я начала привыкать?»

— Мама, мы только переехали! Я только нашла друзей! Ты хочешь снова всё поменять? Мама молчала, пока они не заехали во двор. Выключив двигатель, она повернулась к дочери.

— Переезжать будешь только ты, дорогая. Это школа-интернат для... особых учеников. Дэвид...

— Уже «Дэвид»? — взорвалась Елена. — А не пастырь Дэвид? Для «особых»? Для кого? Для эльфов, гоблинов и фей? Ты же сама всегда говорила, что нельзя доверять этим... существам! Братья служат у короля, который их изгнал! И ты хочешь отправить меня в их школу?

— Школа «Ордефлейк» - исключительное заведение! — мама говорила с непривычным фанатичным блеском в глазах. Она достала из сумочки аккуратную брошюру. — Вот, посмотри сама!

Брошюра была стильной, дорогой. Текст гласил:

«Основана в 1897 году для одарённых представителей магических сообществ. Индивидуальный подход. Развитие уникальных способностей. Более 1000 студентов различных наследственных линий. Ваше будущее начинается здесь».

Елена подняла глаза от текста, но мама уже отвернулась, оживлённо разговаривая по телефону.

— Да, директор Арон, конечно! После первого семестра... Да, мы подготовим всё необходимое!

Она положила трубку, и её лицо сияло.

— Всё решено, солнышко! Директор лично согласился рассмотреть твою кандидатуру!

— Мама, я не хочу! Я не поеду в какую-то секту для волшебников! Мы же всегда были вместе!

Не слушая ответов, Елена выскочила из машины, вбежала в дом и, захлопнув дверь своей комнаты, разрыдалась. Усталость и обида взяли своё — она уснула, не заметив, как стемнело.

Её разбудил настойчивый звонок телефона. На экране пропущенные вызовы от Карла, Юрия и даже Глории. Она проспала репетицию. Отвернувшись к окну, она увидела, что в доме напротив было темно. Снова уснула.

Утром её разбудил стук в дверь. Открыв, она увидела Карла Ньютона. Он был в простой чёрной водолазке и джинсах, его волосы слегка растрёпаны. Его взгляд скользнул по ней по её растрёпанным волосам, детской футболке с плюшевым мишкой и он смущённо отвёл глаза, лёгкий румянец тронул его бледные щёки.

— Доброе утро, Елена. Твоя мама впустила. Эм... милый мишка, — он пробормотал, явно чувствуя неловкость.

Елена ахнула, осознав, в чём стоит, и захлопнула дверь. Накинув халат, она снова выглянула.

— Извините, мистер Ньютон. Вчера... был тяжёлый день.

— Мы все волновались. Ты не пришла, не брала трубку. Раз я живу рядом, решил проведать. Ты не отказываешься от роли?

— Нет, я просто... плохо себя чувствовала. Простите.

Он кивнул, изучая её лицо.

— Сейчас-то ты в порядке? Тогда я подвезу тебя в школу. Собирайся, я подожду внизу.

Спустившись, Елена застала странную картину: мама и Карл разговаривали вполголоса. Она услышала обрывок фразы:

— ...так вы, значит, тифлинг?

— Да, — тихо ответил Карл. — Но я предпочитаю...

Он замолчал, увидев Елену, и его лицо снова стало непроницаемым. — Елена, вы готовы? Поехали.

Мама остановила дочь у двери, прошептав: «Вот ещё одна причина для «Ордефлейка». Там тебе будут рады».

На улице Елену ждал сюрприз. Не машина, а мощный, глянцевый красный мотоцикл. Карл, уже в шлеме, протянул ей второй.

— Держись крепче, — сказал он, и в его голосе прозвучала едва уловимая усмешка.

Ветер в лицо, скорость, чувство его спины перед ней — всё это было ошеломляюще. У школы на них обрушились взгляды. Марфа, разговаривая по телефону, не заметила их подъезда. Юрий и Глория, что было странно, стояли вместе, о чём-то оживлённо беседуя. Карл помог Елене слезть, и она направилась к Марфе.

Не пройдя и двух шагов, чьи-то большие ладони закрыли ей глаза.

— Доброе утро, пропажа, — прошептал знакомый хриловатый голос.

Она обернулась и упёрлась лицом в плечо Юрия. Он, не отрываясь, смотрел на Карла, и его улыбка была вызывающей. Затем он резко притянул Елену к себе, обняв за талию.

— Что ты делаешь? — попыталась вырваться она.

— Скучал. И переживал. Где ты была вчера? — в его голосе и взгляде вдруг появилась неподдельная, почти щенячья обида.

— Неважно. Отпусти.

Она выскользнула из его объятий и подошла к Марфе, которая наблюдала за сценой с каменным лицом.

— Привет, — сказала Елена.

— Привет. И где же был твой вчерашний звонок? — спросила Марфа холодно.

— Это долгая история...

Звонок на урок прервал их. День прошёл в нервном напряжении. На драматургии они с Юрием репетировали сцену смерти. После урока Елена дождалась, когда все уйдут.

Пустой класс после уроков был наполнен особой, тягучей тишиной. Пылинки танцевали в последних косых лучах солнца, падавших через окно. Елена стояла у учительского стола, чувствуя, как подошвы её туфель прилипли к линолеуму. Слова, которые она готовила, казались ей теперь слишком грубыми, слишком прямолинейными.

— Мистер Ньютон, можно вас на минуту?

Он сидел за столом, разбирая бумаги, и его белоснежные волосы казались в этом свете почти серебряными. Он поднял голову, и его янтарные глаза, обычно такие пронизательные, на секунду отразили усталость, прежде чем в них вспыхнула привычная мягкость.

— Занятия закончились, Елена, — сказал он, и в его бархатном голосе прозвучала лёгкая, почти незаметная уступка. — Здесь, сейчас, можешь звать меня Карл.

Он улыбнулся, но улыбка не дошла до глаз. В них осталась настороженная глубина, словно он уже знал, к чему клонится разговор, и готовился к обороне или... к капитуляции.

Елена сделала шаг вперёд, опираясь ладонями о холодный край стола для храбрости.

— Вы сказали маме... что вы тифлинг. Что это?

Воздух в классе, казалось, загустел. Карл не ответил сразу. Он отложил ручку, медленно откинулся на спинку стула и глубоко, со звуком, вздохнул. Это был вздох не раздражения, а тяжёлой усталости от вековой ноши, от необходимости снова и снова объяснять то, что лучше было бы скрыть.

— Тифлинги... — начал он, подбирая слова с осторожностью хирурга. — Это не раса, не народ. Это клеймо. Проклятие крови. Мы - плод союзов людей и... существ из миров, которые ваши сказки называют Нижними, Адскими, Запредельными. — Он произнёс это без пафоса, просто как констатацию неприятного медицинского факта. — Полукровки. Ублюдки. В каждом из нас идёт война двух природ. И мы наследуем... сувениры от нашей нечеловеческой родни.

Он замолчал, его взгляд упал на его собственную руку, всё ещё затянутую в тонкую чёрную кожаную перчатку. Пальцы слегка пошевелились, будто помня о том, что скрыто.

— Координация чуть лучше. Регенерация... быстрее. Видим в темноте как кошки. Мелочи. Но есть и цена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.